

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ*Гипотезы, дискуссионные проблемы*

УДК 93/94(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-79-119

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ
ВЛАДЕНИЙ И ОБЩЕСТВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В XVI –
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.: ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОБЗОР****А.Х. БОРОВ**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Е.Г. МУРАТОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: lena_gm@mail.ru*

Ю.М. АЗИКОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: i.azikova@kbsu.ru*

Аннотация. Авторы статьи полагают назревшим профессиональное обсуждение в академической среде «трудных вопросов» региональной истории, чтобы достигнутый таким образом научный консенсус мог лечь в основу общей интерпретации истории Кабардино-Балкарии. Одним из таких вопросов является корректное представление места и роли каждого из народов региона в его общей истории. Первым шагом к его решению является ревизия и консолидация источникового материала, на который опирались до сих пор исследователи различных аспектов проблемы. Цель статьи – свести воедино тот круг документов, который использовался ранее в литературе выборочно и фрагментарно в контексте определенных исследовательских задач и максимально полно эксплицировать содержание источников, не пытаясь вывести из них то или иное решение самой проблемы. Анализ показал, что документы XVI – первой трети XIX в. свидетельствуют о непрерывной традиции интер-социального взаимодействия в регионе. Связи, обмен, взаимодействие с внешней социально-политической средой были важным фактором воспроизводства хозяйственной, социальной и политической жизни местных обществ. Документальные свидетельства отражают три константные характеристики интер-социального ландшафта Центрального Кавказа в этот период. Во-первых, наиболее интенсивное взаимодействие

горские общества имели не между собой, а с предгорной и равнинной зоной. Во-вторых, источники описывают не хозяйственные, социальные и политические связи по отдельности, а как бы «кластерное» состояние отношений между социально-территориальными единицами регионального пространства. В-третьих, в качестве субъектов интер-социальных взаимодействий в источниках выступают не этносы, не народы в современном смысле этого слова, а локальные этносоциальные организмы (общества) или социально-потестарные образования (владения). Вместе с тем хронологически последовательный обзор источников позволяет увидеть эволюцию содержания и форм социально-политических взаимоотношений владений и обществ Центрального Кавказа. В источниках XVI-XVII вв. намечена картина становления системы интер-социальных взаимодействий в регионе. Документы первой половины XVIII в. дают более определенное представление об устоявшихся, превратившихся в традицию отношениях зависимости горских обществ от кабардинских князей. В источниках, относящихся к последней трети XVIII в. прочитывается уже кризис сложившейся ранее системы социально-политических отношений на Центральном Кавказе, который приобрел в первой трети XIX в. необратимый характер.

Ключевые слова: Северный Кавказ; XVI-XIX вв.; владения; общества; социально-политические взаимосвязи; источники.

SOCIO-POLITICAL INTERCONNECTIONS OF LORDSHIPS AND SOCIETIES OF THE CENTRAL CAUCASUS IN THE 16TH - FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY: A DOCUMENTARY REVIEW

A.Kh. BOROV

*FSBSE «Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences',
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

E.G. MURATOVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173
E-mail: lengm@mail.ru*

Yu.M. AZIKOVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173
E-mail: i.azikova@kbsu.ru*

Abstract. The authors of the article believe that a professional discussion in the academy of the “controversial issues” of regional history came to a head, so that the scientific consensus reached in this way can form the basis for an overarching interpretation of the history of Kabardino-Balkaria. One of such issues is the correct presentation of the place and role of each of the peoples of the region in its common history. The first step towards its solution is the revision and consolidation of the source material, which researchers of various aspects of the problem have relied on so far. The purpose of the article is to bring together the range of documents that were previously used

selectively and fragmentarily in the literature in the context of certain research problems and to explicate the content of sources at the most possible degree, without trying to derive from them a definite solution to the problem itself. The analysis showed that the documents of the 16th - the first third of the 19th century testify to the continuous tradition of inter-social interaction in the region. Communications, exchanges, interactions with the external socio-political environment were an important factor in the reproduction of the economic, social and political life of local societies. The documentary evidence reflects three constant characteristics of the inter-social landscape of the Central Caucasus during this period. First, mountain societies had the most intense interaction not among themselves, but with the foothill and lowland zones. Secondly, the sources do not describe separately the economic, social and political relations, but the “cluster” state of relations between the socio-territorial units of the regional space. Thirdly, the parties or subjects of inter-social interactions in the sources are not ethnic groups, not peoples in the modern sense of the word, but local ethno-social organisms (communities) or socio-potestary formations (lordships). At the same time, a chronologically consistent review of the sources allows us to see the evolution of the content and forms of socio-political relations between the lordships and societies of the Central Caucasus. In the sources of the 16th – 17th centuries the picture of the formation of a system of inter-social interaction in the region is outlined. Documents of the first half of the 18th century give a more definite idea of the firmly established dependence of mountain societies from Kabardian princes, which appeared now as tradition. In sources related to the last third of the 18th century one can read out the crisis of the previously existing system of socio-political relations in the Central Caucasus, which acquired in the first third of the 19th century irreversible character.

Keywords: North Caucasus; 16th-19th centuries; lordships; societies; socio-political interconnections; sources.

Современная историографическая ситуация на Северном Кавказе отмечена одной характеристикой, которая не получила, на наш взгляд, должного внимания и оценки. К середине 2010-х гг. были опубликованы (в некоторых случаях вторым изданием) обобщающие труды по истории Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии, Адыгеи. Вне этого ряда остались Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. В Кабардино-Балкарии одним из факторов, не позволивших реализовать, начатый еще во второй половине 1990-х гг. проект написания трехтомной истории Кабардино-Балкарии, стали разногласия вокруг вопроса, какое место в ней должен занять каждый из народов республики. Изданный в 1995 г. под грифом Министерства образования и науки КБР школьный учебник истории народов Кабардино-Балкарии и изданная в 2005 г. без официального грифа «История Кабарды и Балкарии», которую автор обозначил как учебник, рассчитанный на широкий круг учащихся, с разных сторон подверглись жесткой критике.

В актуальном общественном дискурсе все более утверждается такое видение прошлого, в котором кабардинский и балкарский народы выступают в качестве субъектов только «своей собственной» истории, а Кабарда и Балкария в качестве сугубо самостоятельных этнополитических образований. История Кабардино-Балкарии как определенной преемственной единицы социально-исторического процесса в прошлом, лишается предмета. Но в этом случае и ее настоящее выступает как «форма без содержания», а будущее оказывается под вопросом. Парадоксальность ситуации состоит в том, что при наличии полярных позиций по ряду ключевых вопросов истории они не получают

статуса дискуссионных научных проблем. Применительно к изучению проблем социально-политической истории карачаевцев и балкарцев, включая вопросы взаимоотношений с окружающей социально-политической средой, недавно был высказан призыв перенести споры по этим вопросам «из области пререканий в область глубокого научного анализа» [Сабанчиев 2019: 333].

Мы также полагаем назревшим профессиональное обсуждение в академической среде «трудных вопросов» региональной истории с тем, чтобы достигнутый таким образом научный консенсус мог лечь в основу обобщающей истории Кабардино-Балкарии. В свое время было высказано суждение, что к числу наиболее сложных и дискуссионных проблем политической истории Балкарии XVIII в. принадлежит вопрос о характере отношений балкарских обществ с кабардинскими князьями [Муратова 2007: 141]. Уже сформирована солидная историографическая основа для достижения его единого понимания, включающая как научное наследие исторического кавказоведения предшествующих периодов, так и специальные разработки проблемы в новейшей литературе [Баразбиев 2000; Тебуев, Хатуев 2002; Кожев 2005; Батчаев 2006; Муратова 2007; Бегеулов 2009; Кожев 2016;]. Но мы считаем важным, чтобы профессиональное сообщество историков региона последовательно «отрабатывало» исследовательский алгоритм: ревизия и консолидация источникового материала – подведение концептуальных итогов историографии проблемы – выработка обобщающей интерпретации.

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы внести вклад в выполнение первого этапа описанной исследовательской процедуры. При этом нами принято несколько принципов и ограничений.

Во-первых, свести воедино тот круг источников, который использовался ранее в литературе выборочно и фрагментарно в контексте определенных исследовательских задач.

Во-вторых, расширить пространственные рамки рассмотрения предмета, поскольку специфику взаимоотношений кабардинских князей с балкарскими владельцами и обществами можно более надежно определить в контексте всей панорамы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе.

В-третьих, расширить хронологический охват анализа, включив в него материалы от XVI до XIX в., но ограничить его видовой состав главным образом материалами русского дипломатического и военно-административного делопроизводства.

В-четвертых, максимально полно, насколько это возможно в статье, эксплицировать содержание источников, не пытаясь вывести из них то или иное решение самой проблемы. Отсюда – жанр статьи мы определяем как документальный обзор.

Сознавая все эти ограничения, авторы рассчитывают, что специалисты откликнутся на эту публикацию и предложат свои дополнения, исправления и уточнения в приводимый здесь материал, с тем чтобы совместно сделать следующий шаг к достижению научного консенсуса по одной из ключевых проблем истории Кабардино-Балкарии.

* * *

Отмеченное в литературе наиболее раннее известие о наличии социально-политической взаимосвязи тех или иных владельцев Кабарды и этносоциальных общностей за ее пределами относится к 1560-м гг. В летописном тексте за 1558-1567 гг., которым продолжается Никоновский свод, содержится фрагмент, повествующий о том, что в 1563 г. «октября в 3 день приехал ко царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси Григорей Семенов сын Плещеева ис Черкас Пятигорских, а посылал его царь и великий князь в Черкасы к Темгрюку-князю Айдаровичю посольством и оберегати его от его недругов от черкас, которые от него отступили и которые ему тесноту чинили. [...] И Темгрюк со государскими людьми недругом своим не- дружбу довел и в свою волю их привел, а воевал Шепшуковы улусы да воевал Татцкие земли близ Скиньских городков, и взяли три городки: город Мохань, город Енгирь, город Каван, и мирзу Телишку убили и людей многих побили. А те городки были Шепшуковы-княжие, и люди тех городков добили челом Темгрюку-князю, и дань Темгрюк-князь на них положил. И воевали землю их одинатцеть дней, и взяли кабаков Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре, и людей многих побили и в полон имали...» [ПСРЛ 1906: 371]. Упомянутые в документе названия «землиц» и «народцев» не идентифицированы исследователями [Кушева 1963: 121]. Но можно полагать, что источник в целом отражает зависимость и данничество «Татцких земель», «Скиньских городков», «Мшанских и Сонских кабаков» по отношению к кабардинским князьям Пшеапшоко, а затем – Темрюку Идаровичу, поскольку описывает события ноября-декабря 1562 г., в которых непосредственно участвовали послы и воеводы царя в сопровождении довольно многочисленного отряда стрельцов и казаков. Установить более определенно, что именно подразумевает выражение «те городки были Шепшуковы-княжие, и люди тех городков добили челом Темгрюку-князю», не представляется возможным.

От начала XVII в. дошли сведения об отношениях горцев, живших в районе Дарьяльского ущелья с кабардинскими владельцами. Они приведены в опубликованных С.А. Белокуровым материалах о посольстве в Грузию (Кахетию и Карталинию) М.И. Татищева и дьяка Андрея Иванова в 1604-1605 гг. М.И. Татищев и А. Иванов в отписке на имя царя Б. Годунова сообщали: «Пришли мы, холопы твои, и с нами Иверского Александра царя посол старец Кирилл к горам к Айтек-мурзиным и Алкасовых детей кабакам и к щелям июля в 26 день... И Айтек мурза и Алкасовы дети нам, холопам твоим, сказали, что они холопы твои государевы и нас провожать готовы. Да Алкасовы ж, государь, дети говорили, что тою дорогою в горах к Сонской земле кабаки Айтек-мурзины и промысел весь будет в дороге и в местах Айтек-мурзин; а они в то не вступаются и с него того не снимают... А как мы, холопы твои, пришли к Айтек-мурзиным кабакам, – и были у нас, у холопей твоих, Шолохов брат Ибак мурза, да Шолохов сын Хорошай мурза, да Казыя мурзы Пшеапшокова брат Янсохов княжой сын Топчук мурза... и о том нам, холопам твоим, Шолохов брат Ибак мурза и Казы мурзин брат Топчук говорили: которые люди

живут в горах, те им непослушны, а владеет ими Айтек мурза; и они, государь, не токмо нас провожать, – и сами в горы в щели ездить не смеют... А пошли, государь, мы, холопи твои, от Ларсова кабака в щели августа в 1 день; а снами, холопи твоими, послал Айтек мурза проводить до Сонских земли брата своего Мурза-бека да сына своего Магмета... Пошли мы, холопи твои, к Сонской земле от Ларсова кабака августа в третий день. И приходили, государь, на нас на первом стану в ночи горские люди с вогненным боем; а у нас, государь, для бережения была застава и сторожа крепкая. И на стороже, государь, их подстерегли и сними бились, из пищалей стреляли и от станов наших отбили и многих из них переранили. А Сонские, государь, люди, которые нам навстречу приехали для мостов, сказывали, что те люди из гор Калканцы; преж сего они были послушны Алкас-мурзе, а ныне они послушны Айтек-мурзе» [Белокуров 1889: 453-456].

Далее в документе содержится запись со слов представителей Картлийского царя Юрия (Георгия X) о том, что «меж Черкасские и Юрьевы царевы земли есть горские люди словут Осинцы, всего их человек з 200», которые «бывали за Айтек мурзою Черкасским, да от него отложились». И картлийские представители и Айтек мурза говорили о том, что если бы царь дал своих людей, то можно было бы «их извовать с Черкасы не многими людьми» и тогда будет дорога из Карталинской земли «к государевой отчине к Кабардинской земле прямая и просторная». Русские послы обещали, что по возвращении в Терки «государевым воеводам поговорят» о посылке государевой рати и Айтек мурзы Черкасского с его людьми на «Осинцев» [Белокуров 1889: 508].

Из этих материалов Е.Н. Кушева заключила, что в конце XVI – начале XVII в. контроль за путем с Северного Кавказа в Грузию через Дарьяльское ущелье стремились захватить мурзы Малой Кабарды Алхас (Алкас) и его сыновья Айтек и Мудар Алхасовы [Кушева 1963: 82]. Судя по всему здесь возобладала притязания Айтека Алхасова, к которому перешел контроль над входом в Дарьяльское ущелье и определенной его частью, протяженность которой неясна. Подчинилась ему и часть местного населения. Свидетельство представителей других кабардинских княжеских фамилий о том, что «дорогою в горах к Сонской земле кабаки Айтек-мурзины» можно считать достоверным, хотя неясно было ли население этих кабаков кабардинским или каким-то иным. Во всяком случае, упомянутые в документе «калканцы» и «осинцы», идентифицируются как ингуши-галгаевцы и осетины. Но какова природа их зависимости не до конца ясно. Использованные в документе понятия «послушны Айтек-мурзе» или «бывали за Айтек мурзою» недостаточно конкретны. «Послушные» Айтеку калканцы совершают нападение на русское посольство, сопровождаемое его братом и сыном. «Отложившиеся» от него «осинцы» оказываются способны и успешно сопротивляться кабардинскому владельцу, и «чинить тесноту» «Карталинским людям». «Всего их человек з 200» – говорит источник, но, видимо, это все же 200 человек вооруженного мужского населения, представлявшего в горных условиях значительную силу. Судя по всему, подчинение или неподчинение горского населения

кабардинским владельцам определялось соотношением сил, носило неполный и неустойчивый характер. Для восстановления утраченной власти Черкасского мурзы над горцами требовалась помощь государевой рати из Терского города.

Терский воевода П.П. Головин сообщал в июле 1614 г. Астраханскому воеводе И.Н. Одоевскому, что приехали к нему «из Кабарды, от Казыя-князя Шепшукова, брат его Кул-мурза Канукин да абазинский Алкаш-князь Кардануков» просить о посылке «государственных ратных людей» против врагов Казыя, причем брат Казыя Кул-мурза и «абазинский князь Алкаш Кардануков» задержались на Тереке, ожидая ответа на просьбу [КРО 1957а: 82]. Источники только фиксируют присутствие абазинских владельцев в окружении кабардинских князей, никак не обозначая характер их взаимоотношений, но упоминания в русских документах XVII в. абазинских мурз, сопровождающих того или иного князя или мурзу Большой Кабарды Е.Н. Кушева расценивала как подтверждение раннего установления зависимости абазин от феодалов Большой Кабарды. Вместе с тем она приводит и факты самостоятельного оформления абазинскими владельцами своих отношений с Русским государством. В 1634 г. терские воеводы доносили царю, что из «абазинской земли» прибыл к ним «мурза Кумургука Отлепщукин Ловов», т.е. один из тапантовских князей Лоовых, в сопровождении своих узденей и сообщил: «Брат его большой, Цека-мурза абазинской владелец, с ними, з братьею своею 12 человек, и со всеми своими абазинскими людьми, прислали ево, Кумургуку, бити челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси, чтоб ты, государь, их пожаловал, велел им, Цеке з братьею, и со всеми абазинскими людьми быть под своею государевою высокою рукою в холопстве и во всем твоём государеве поведенье со всеми своими людьми Абазинские земли навеки неотступным» [Кушева 1963: 156, 160].

С точки зрения взаимоотношений кабардинских князей с абазинскими владельцами несколько иначе прочитываются сведения, содержащиеся в статейном списке Федота Елчина о посольстве 1639-1640 гг. в Грузию. «В Алегукину Кабарду приехали октября во 2-й день», сообщал он, и «Алегуки в Кабарде не было, а был в Абазах». Не дожидаясь его, послы отправились «до Корачаев из Кабарды» и «в Корочаеву Кабарду пришли октября в 13-й день». «Карачаевским князьям», двум братьям, Елбуздуку и Елистану, были даны дары так же, как в Кабарде они были даны родственникам Алегуки. Во время пребывания послов в Карачае, сообщает далее Федот Елчин: «Олегука прислал из Обазы октября в 29-й день узденя своего Уранбу, а велел у меня у Федота взять четыре аршина сукна краснова англискава» [Посольство... 1887: 317-318]. Л.И. Лавров замечал, что это произошло на 27-й день «пребывания послов во владениях Алегуки» и предполагал, что его длительное нахождение в абазинской земле не было военным набегом: «Скорее это была поездка сюзерена к своим вассалам. Очень может быть, что и Уранбий, названный здесь узденем Алегуки, был одним из абазинских князей» [Лавров 1955: 11]. Действительно, интерпретация данного сюжета может носить только характер предположения, но сделанные Л.И. Лавровым заключения наиболее вероятным

образом объясняют фактическое содержание источника. Здесь также вызывает вопросы формула «Корачаева Кабарда», использованная Ф. Елчиным. С одной стороны, он говорит о «Карачаевских князьях», никоим образом не фиксируя их зависимое от Алегуки положение. С другой, складывается впечатление, что перемещаясь в Карачай, он не заметил, что оказался уже не в Кабарде, а в другом владении.

В 1643 г. терский воевода М.И. Волынский докладывал в Посольский приказ о длительных переговорах с племянником Казыя Пшеапшокова Алегуко Шегануковым и сыном Казыя Ходождуко о приведении Казыевой Кабарды к шерти. При этом, от них требовали способствовать принесению шерти также мурзами Малой ногайской орды, находившимися с ними «в единичестве». В частности сообщалось, что весной, когда Алегуко и Ходождуко, выехав из своих кабаков, стояли в Пятигорье, с ними находились «Малово Нагаю мурзы Ураковой половины..., да кабардинской Казыевой же Кабарды Бутак-мурза Тактамышев, да абазинские мурзы Хачака-мурза Янтемир-мурзин, да Саралп-мурза Левов, да Казый-мурза Доруков, да Кансох-мурза Бийбердеев, да Алкас-мурза Бегишев, да Джаным-мурза Бабуков...» [КРО I: №144]. Е.Н. Кушева обращает внимание, что здесь перечислены мурзы четырех из известных позднее шести племен абазин-тапантовцев: Джантемировых, Лоовых, Бибердовых, Дударуковых [Кушева 1963: 156-157]. Целью сбора была встреча с Муцалом Сунчалеевичем Черкасским для переговоров о принесении шерти царю Михаилу Федоровичу. Но встреча не состоялась, и 20 мая Алегуко Шегануков приехал в Терский город для дальнейших переговоров в сопровождении кабардинского Бутак-мурзы Тактамышева, абазинского Саралп-мурзы Левова и аталыков ногайских мурз Асланбека и Урака Каспулатовых [КРО 1957а: 228]. Во всей этой истории обращает на себя внимание то обстоятельство, что абазинские владельцы непременно участвуют во всех контактах владельцев Казыевой Кабарды с представителями царя, но когда речь идет о том, от кого ожидается принесение шерти, то как самостоятельные владельцы называются только мурзы Казыевой Кабарды и Малого Ногайя. Складывается впечатление, что царские переговорщики, сообщая о готовности Алегуко Шеганукова «со всем своим владеньем» под «царскою высокою рукою быть в вечном холопстве» и учинить о том шерть на Коране, подразумевали принадлежность к этому «владенью» и абазин. По Е.Н. Кушевой, абазинцы «участвовали» в присяге Алегуки [Кушева 1963: 157, 160]. Муцал Сунчалеевич Черкасский в своей челобитной царю докладывал, что «Алегука-мурза, и мурзы, и козлары, и нагайские аталыки, которые с ним приезжали, договорясь тебе, великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси шерть учинили» [КРО 1957а: 238]. И снова, Абазинский мурза не выделен из общего ряда кабардинских мурз, сопровождавших Алегуку. Это может означать, что данный абазинский владелец Саралп-мурза из рода Лоовых был связан с Алегукой сюзерен-вассальными отношениями.

Не остались незамеченными в литературе беглые упоминания в источниках 1640-х гг. о «ясачных» людях кабардинских князей в некоторых

чеченских обществах (шибутан и мичиковцев). В 1643 г. Терский воевода сообщал в Посольский приказ о том, что «Тотархан мурза Арсланов» был «в шибутцкой землице, у ясашных своих людей в Дикееве деревне», и привез оттуда в Теский город письмо от грузинского царя, которое доставил из Грузии «шибутенин Дикеев сын Алхан» [Посольство... 1928: 81]. В 1646 г. на того же Татархана Арсланова подавал челобитную Муцал Сунчалеевич Черкасский, обвинявший его, в частности, в разгроме «ясачных мичкисских людей» [КРО 1957а: 417]. По происхождению Татархан Арсланов принадлежал к кабардинскому княжескому роду Клехстановых, но он, как и его отец, служил в Терском городе. На русской службе пребывал и Муцал Сунчалеевич Черкасский, назначенный в 1645 г. княжить над нерусским населением Терского города. В каком качестве они добились зависимости от себя шибутан и мичиковцев – как кабардинские владельцы или как терские служилые мурзы – остается неясным.

От второй четверти XVII в. дошли первые свидетельства о взаимоотношениях кабардинских владельцев с балкарским и некоторыми осетинскими обществами. Они связаны с мероприятиями царских властей по поиску месторождений серебра. Осенью 1627 г. служившие в Терском городе представители рода Идаровых Пшимаха Канбулатович Черкасский и его двоюродный племянник Каншов-мурза Битемрюков, сообщили Терскому, а затем Астраханскому воеводам, что «[Е]сть в Кабарде землица невелика, словес Таабыста», в которой «есть серебряная руда» [КРО 1957а: 113].

В расспросных речах Каншов-мурзы Битемрюкова в Посольском приказе в январе 1628 г. записано, «что есть в черкасских горах, где живет черкасской Ибак-мурза з братьею, серебряная руда и свинец». Далее там же сказано, что «то место Табиста блиско Ибаковых кабаков» [КРО 1957а: 113]. В отписке терского воеводы И.А. Дашкова в Посольский приказ о разведках залежей серебряной руды во второй половине 1628 г. расширяется и несколько конкретизируется география этих поисков. С одной стороны, говорится, что люди из Терского города были посланы «с Каншов-мурзою в Кабарду для серебряные и медные руды», а с другой – «ис Кабарды» он «поехал в горы» «до горских кабаков за двадцать верст», а часть людей «оставил в Кабарде». Указано, что к рудным местам надо добираться по рекам Сюгансу, Черехе, Хазыне, Ардане и Урухе. Помимо «землицы Абасты» названы еще «гора Годыр» и «место Балкары». Иными словами, речь идет об Алагирском, Дигорском и Черекском ущельях, к которым с севера примыкали кабардинские земли [КРО 1957а: 120-121].

О населении «землицы Табыста» вначале сказано, что «живут в ней люди вольные, такие же, что и они, черкасы», «а в той землице князь Ибаков сын Илдар», и «горские... черкасы тое землицу обижают и емлют с них дань себе» [КРО 1957а: 113]. Затем январская 1628 г. отписка И.А. Дашкова «землицу Абасте» «по Ардане реке» [Алагирское ущелье – авт.] обозначает как место («гору»), «где живут Ибак-мурзы дети Илдар з братьею». В местности Годыр [Дигор – авт.] по Уруху, согласно этому же документу живут «ясачные люди кабардинских мурз Илдара з братьею Ибаковых детей». Здесь имеется одно из

наиболее ранних указаний на хозяйственные основы зависимости горцев: «А которые ясачные мужики ис Кабарды носят хлеб, покупаючи, в мешках на себе в горы для того, что телегами проехать теми месты немочно» [КРО 1957а: 121].

Доставив в ноябре 1628 г. образцы руды из Балкар, Коншов-мурза Битемрюков сообщил, что тем «местом Балкары владеет его, Коншов-мурзы племянник Абшита Взреков» [КРО 1957а: 121]. Приехав в Терский город из Кабарды 21 февраля 1629 г. князь Пшимаха Канбулатович Черкасский сообщал о недовольстве кабардинских владельцев производимыми изысканиями и о том, что они совместно с Илдаром и Суркаем Ибаковыми и кумыкским владельцем Айдемир Салтан-Мамутовым «собрався с ратными людьми, пошли в горы в Балкары в то место, где ту серебряную руду имали на его, князь Пшимахиных, ясачных людей да на Коншов мурзы племянников на Абшины з братьею Тазримовых детей на ясачных людей кабаки войною. И Апшика деи, государь, з братьею против Айдемира да Илдара да Суркая стоят и с ними бьютца» [КРО 1957а: 124].

Присланные в Москву из Терского города крещенные черкесы Сидор Семенов и Марк Агапитов показали в марте 1629 г.: «То место, где они с Каншов-мурзою ездили, владеют черкасских мурз Апши да Абдауллы мурзы Болкарских князей, а которого мурзы дети, того они не ведают, а князь Пшимаху они Канбулатовичю Черкасскому по сестре племянники, мать их князю Пшимаху сестра. А государю де те мурзы не послушны, живут о себе, и закладов их в Терском городе нет, а слушают они черкасского Алегука-мурзы Шеганукова. А люди с ними живут небольшие, только де по сторонам около их в горах людей много иных мурз. А государю Алегук-мурза послушен и заклады его в Терском городе есть, сын ево Темир-Аксак, и двор де у Алегука-мурзы для его приезду есть. И только де Алегук-мурза пошлет к ним о том, и чают того они, что они в том ево послушают, а подлинно того сказать не умеют, послушают ли те мурзы Алегука-мурзы и дадут ли в том месте руды искать или нет, того они не ведают» [КРО 1957а: 124-125].

Прежде всего, противоречивость приведенных свидетельств говорит о том, что прочно установившиеся, однозначные по характеру отношения балкарских владельцев с кабардинскими к этому времени не сложились. Относительно их родственных связей, видимо, ближе к истине свидетельства Каншов-мурзы и Пшимахи Канбулатовича о том, что Апшика и его братья приходились племянниками Каншову, а не Пшимахе. В свою очередь Каншов Битемрюков приходился Пшимахе двоюродным племянником. Может быть на этом основании (как старший представитель Канбулатовой ветви княжеской фамилии Идаровых) Пшимаха Канбулатович называет их своими «ясачными людьми». При этом, рассказывая об их «войне» с Ибаковыми детьми, он никак не выражает своей готовности встать на их защиту. Столь же невнятно обрисованы отношения балкарских владельцев с Алегукой Шегануковым. С одной стороны, они «слушают» не Каншов-мурзу и Пшимаху Канбулатовича, а Алегуку, но «послушают ли те мурзы Алегука-мурзы и дадут ли в том месте руды искать или нет» свидетели «не ведают». Все это может быть понято в контексте сложной расстановки сил в кабардинской княжеской среде первой

половины XVII в., когда происходит обособление Малой Кабарды (Ибаковы дети принадлежат к Талостановой фамилии кабардинских князей); все больше ослабевают Идаровичи (получив в 1624 г. от царя жалованную грамоту на титул старшего князя Пшимаха Канбулатович не был признан в этом качестве в Кабарде); нарастает влияние владетелей Казыевой Кабарды (Алегуко Шегануков – племянник Казыя Пшеапшокова). Все эти группы вынуждены были демонстрировать большую или меньшую лояльность Москве и Терским воеводам, но между ними и внутри них продолжалось острое соперничество. Термин «слушают» свидетельствует, видимо, о политическом авторитете Алегуки, но не о его власти или безоговорочном влиянии на балкарских владельцев.

О степени неприятия кабардинскими владельцами поисков рудных залежей и о фактической самостоятельности горских владельцев и обществ свидетельствуют настойчивые предупреждения инициаторов и исполнителей этого плана о необходимости подкрепить его выполнение вооруженной силой. Пшимаха Канбулатович предупреждал, что вести работы «в землице Таабысте» можно будет «со многими ратными людьми, сперва острастя кабардинских и горских князей и мурз и всех кабардинских и горских людей» [КРО 1957а: 125]. Сидор Семенов и Марк Агапитов говорили о перспективах розысков на Череке в «месте Балкары»: «А только будет изволит государь в то место послать для того дела, и они чают, что без ратных людей быть нельзе; только ратным людем не быть, и опасатца того, чтоб от тутошних людей государевым людем, которые для того дела посланы будут, тесноты не было. А сколько ратных людей послать, и в том волен бог да государь, им того знать не уметь, а что людей послать больши, и лутче» [КРО 1957а: 126].

Материалы посольства стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650-1652 гг. более четко свидетельствуют о различном положении балкарских и дигорских владельцев по отношению к кабардинским. Они показывают, что отношения между «болхарскими владельцами» и Анзоровой Кабардой носили ровный характер. Коммуникации по Черекскому ущелью были открыты и представляли собой наиболее безопасный маршрут из Терского города в Имеретию. Русских послов из «Онзоров Кабарды» до «Болхар» сопровождали кабардинский владелец «Зозорука мурза с братьею», а «с ними болхарские владельцы Алибек да Чеполов с братьею и с детьми» [Посольство... 1926: 36]. Когда надо было отправить в Имеретию посольского толмача вместе с азнауром имеретинского царя Александра Зазарука «велел их проводить до Балхар и велел их отдать болхарским мурзам Алибеку, да Чеполову, да Канбулатову дядьке Черкасского Андабалу мурзе» [Посольство... 1926: 117]. Здесь отсутствуют какие-либо указания на то, что балкарские владельцы кого-то «слушают» или являются чьими-то «ясачными людьми». Вместе с тем, очевидны их длительные и прочные связи с кабардинскими князьями. Андабал (Айдебол) из сведений 1650-1651 гг., скорее всего, это брат Апшики Абдаулла из материалов о разведке руд 1628-1629 гг. Они так или иначе были связаны кровным родством с Пшимахой Канбулатовичем Черкасским, а затем Абдаулла (Андабал, Айдебол) стал «дядькой», т.е.

воспитателем (аталыком) уже сына Пшимахи Канбулата. В общем плане это обстоятельство может свидетельствовать о двух вещах. Во-первых, о неравном статусе Пшимахи и Айдеболы – в качестве аталыков кабардинских князей как правило выступали лица более низкого владельческого статуса. Во-вторых, о том, что Айдебол пользовался покровительством со стороны своего воспитанника и его отца.

Иначе выглядит положение дигорцев в материалах посольства Толочанова и Иевлева. В них сообщается, что «приходили из гор в Анзорову Кабарду, к Зазаруке в кабаки, два человека дигорцов смотреть государевых послов». В ответ на расспросы дьяка Иевлева они сообщили: «Жилище их в горах, вверх по реке по Урухе, а владелец у них Алкас мурза Карабгоев; а владенья его четыре кабака. И за ними же де, позади дигор, другое владенье, стургорцы, двадцать кабаков. А в кабаке, сказали, жильцов дворов по двести и больше. А для сберегания ясак дают Алегукке да Ходождукке мурзам Черкасским и Зазаруке мурзе Анзорову, с кабака по десяти коров или быков, да по ясырю, да по лошади по доброй, да с двора по овце по суягной, да по четверику пшеницы, да по четверику проса... Да они же дигорцы говорили: только де государь изволит близко гор поставить свой государев город и воинских людей устроить, и они де дигорцы и все горские люди будут ево государевы холопи. И что дают черкасским мурзам ясак, и тот ясак учнут давать московскому государю» [Посольство... 1926: 119-120]. Здесь также прочитываются два обстоятельства. Во-первых, речь идет не об отношениях господ с подвластным населением, а о взаимных обязательствах. Кабардинские владельцы должны предоставлять горским обществам защиту, а последние должны платить за нее. Во-вторых, дигорцы тяготятся этими отношениями и просят об опеке со стороны русского царя. Это может означать, что либо защита им навязана, либо защитников слишком много, что фактически делает ее ненадежной и слишком дорогостоящей.

* * *

В описании Черкесии, составленном в 1724 г. французским консулом в Крыму Ксаверио Главани, содержатся некоторые сведения о взаимоотношениях владений и обществ Центрального Кавказа. В частности, отмечено, что в зависимости от округа «Гилаксан» «состоят пять селений в Кавказских горах». Затем Главани перечисляет несколько округов, находящихся в зависимости от кабардинских, бесленеевских и темиргоевских владельцев: «Первый округ между черкесами есть Чегем, имеющий 500 жилищ и зависимый от Кабарты. Второй называется Дюгер-Талкареки, состоящий тоже в зависимости от Кабарты; в нем 500 жилищ. Третий называется Эбаги-Бараки, зависит от Бессини и имеет 200 жилищ. Четвертый – Каракай, с 200 жилищ, зависит от Кабарты. Пятый – Карабай, имеет 600 жилищ и состоит в зависимости от Гемиргоя» [АБКИЕА 1974: 160-161]. «Зависимый от Кабарты» первый округ идентифицируется как балкарский Чегем; второй – как Дигор, хотя вторая часть названия не получила объяснения; четвертый – как Карачай.

В связи с известиями о намерении Турции построить близ Кабарды крепость генерал-фельдмаршал В.В. Долгоруков осенью 1729 г. высказывал соображения о том, как мобилизовать кабардинцев и горцев для противодействия этим планам. В частности на случай если турки «станут строить крепость у прохода ущелья с грузинской стороны» то следовало, по его мнению, им «кабардинским владельцам, возбудить тавлинцов [горцев – авт.] и протчих в том ущелье живущих народов, дабы они всеми мерами старались то их [турок – авт.] намерение препятствовать». Для этой цели он считал нужным действовать через малокабардинского владельца Кази (из князей Ахловых Клехстановой фамилии), который «живет в самом ущелье, где проход в Грузию, и тавлинцы в его послушании». Речь, видимо, идет о Дарьяльском ущелье. «Иною дорогою, кроме того ущелья, никак пройти [не] можно, – замечает В.В. Головин. – И когда посылаемые от нас в Грузию все чрез то ущелье путь имеют, а кроме никак нельзя, и берут провожатых от помянутого Кази, понеже живущие в том ущелье все ему послушны» [КРО 1957b: 40]. О социальном содержании отношений малокабардинского князя с горцами судить по этому документу нельзя – его автора интересует только, как разрешить возникшую военно-политическую проблему.

С начала 1730-х гг. в отношениях России, Крыма и Османской империи нарастает напряженность вокруг «кабардинского вопроса». Россия отстаивает тезис о «древнем подданстве» ей кабардинцев, но не желая втягиваться в открытый конфликт выдвигает идеи о «нейтрализации» Кабарды, как это видно из Промемории, поданной Блистательной Порте русским резидентом И.И. Неплюевым 10 августа 1731 г. [КРО 1957b: 43-45]. Одним из факторов, затруднявших дипломатические усилия России, было намерение кабардинских владельцев, «когда придет к ним российская помощь иттить на Кубань для возвращения абазинцев» [КРО 1957b: 52]. Коллегия иностранных дел предписывала коменданту крепости Св. Креста Д.Ф. Еропкину удержать кабардинцев от похода на Кубань. Речь шла об абазинцах, насильственно переселенных на Кубань во время похода крымцев на Кабарду в 1720 г. В «листе» кабардинских владельцев к императрице Анне Иоанновне, доставленном в августе 1731 г. кабардинским послом, князем Большой Кабарды Магометом Атажукиным, в частности, говорилось: «Имеется же при реке Кубань деревня наша, в которой живет народ абазинской. И ныне она деревня наша под крымским владением, которую мы к себе паки присовокупить не можем. А ежели в. и. в. к нам милость будет, то оную деревню мы отобрать возможем» [КРО 1957b: 46]. При расспросе Магмета Атажукина в Коллегии иностранных дел ему был поставлен вопрос: «Абазинский народ сколь давно у них, кабардинских владельцев, жили и почему оне им крепки, и каким образом от них отошли, и ныне где и под чьею протекциею живут, и сколько их»? На это М. Атажукин пояснил: «Абазинской народ из древних лет еще у предков их, кабардинцов, во владении были и жили они, абазинцы, при реке Баксане, на луговой стороне, которого народу было 800 дворов, а в тех дворах военных людей конных и пехотных з 2000 человек; и тому лет з 9 как Дели-Салтан с Саадет-Гирей с крымским и кубанским войском

приходили на Большую Кабарду. И оные султаны тогда вышеписанной абазинской народ от них, кабардинцов, силою взяли и перевезли на реку Кубань, и тамо при реке Кубане поселили, до которых от Большой Кабарды переезду два дни. И ныне живут оные под владением крымского хана» [КРО 1957b: 59]. В ответе Коллегии иностранных дел на прошение о помощи «ко отобранию у крымцов деревни своей, в которой живет народ абазинской» было сказано, что «сего також де со стороны е. и. в. ныне, когда мир с турками содержитца, учинить невозможно» [КРО 1957b: 70-71].

В 1738 г., во время новой русско-турецкой войны, кабардинцы были в кубанском походе вместе с калмыками «и между прочими кубанскими татары взяли и абазинских черкес, и перевели к себе в Кабарду». В связи с этим Анна Иоанновна велела кабардинским князьям «тех абазинцов содержать в крепком смотре, дабы оные каких противностей не учинили и по-прежнему на Кубань уйти не могли, или б тамошние татары их к себе не увели» [КРО 1957b: 97]. Поскольку трения кабардинцев с крымцами, в том числе, в связи с обоюдными притязаниями на абазин, продолжались, о чем Османское правительство сделало представление российскому резиденту И.И. Неплюеву, астраханский губернатор по указанию Елизаветы Петровны направил в мае 1747 г. в Кабарду для разбирательства капитана Барковского, ротмистра Татарова и дворянина Мещерякова [КРО 1957b: 138-140]. Кабардинские князья вновь объяснили: «Абазинцы, шесть частей или родов, кочующия по Кубану, их, кабардинских владельцев, издревле подданныя, с которыми они доднесь всякие подати берут, и есть потребно от них войска, то и на войну с ними ходят, и жили прежде вместе с ними, кабардинцами, по Малку, Баксану и Куме» [КРО 1957b: 141].

Обращает на себя внимание прозвучавшая здесь тема исторической глубины, сложности и переменчивости кабардино-абазинских социально-политических связей. В «Выписке об абазинцах» и «Описании кабардинского народа» составленных в 1748 г. в Коллегии иностранных дел приводилось свидетельство Магомета Атажукина о том, что «абазинскими шестью деревнями еще прадед их Кази владел» [КРО 1957b: 152, 156]. Речь идет о Кази Пшеапшокове, княжившем в конце XVI – начале XVII в. В 1753 г. в своем прошении на имя Елизаветы Петровны кабардинские владельцы баксанской партии указывали на еще более давние корни абазино-кабардинских связей, «ибо абазинский народ из гор произошел, сначала с имянуемым Хаджи Ахмедом две фамилии вышли..., а потом по две и по три фамилии из гор к нам выходили, и неоднократно паки от нас отходили», причем «Хаджи Ахмед когда из гор вышел к прапрадеду нашему Иналу пришел» [КРО 1957b: 189]. Сам разброс в 2-3 века между этими датировками подтверждает давность абазино-кабардинских связей, не позволяющую удерживать в социальной памяти достаточно точные хронологические ориентиры. Но эти свидетельства, так же как и сама история абазин-алтыкесексов, высвечивают еще два обстоятельства, объясняющие их более тесные и одновременно более неустойчивые социально-политические отношения с кабардинскими владельцами. Во-первых, «выход» абазин-тапантовцев или алтыкесексов из гор и их пространственное «сцепление»

с кабардинскими владениями, тогда как все другие этносоциальные единицы, вовлеченные в социально-политическое взаимодействие с кабардинскими владениями сохраняли относительную пространственную изоляцию в горных ущельях. Во-вторых, размещение абазинского населения на территориях вблизи верховьев Кубани, превратившее его в объект постоянного, в буквальном смысле слова, «перетягивания» между Крымским ханством и кабардинскими князьями. Видимо, по этой причине «абазинский вопрос» оказался наиболее часто упоминаемым в источниках первой половины XVIII в.

От этого периода дошли и свидетельства, дающие представление о более широкой панораме отношений кабардинских владельцев с этносоциальными общностями Центрального Кавказа. Прежде всего, это «Известия о горских народах, полученные от кабардинских владельцев Магомета Атажукина, Адильгирея Гиляксанова и костиковского владельца Алиша Хамзина» в Коллегии иностранных дел ассессором Бакуниным в 1743 г. Здесь перечислены 7 «народов»: Большая Абаза (абадзехи); шапсо (шапсуги); харачаи (карачаевцы); соны (сваны); «пятой народ», который состоит в пяти волостях: Чегем, Безенге, Хулам, Хусырь, Малкар. Шестым народом назван дюгор (дигор) и седьмым – сюрдигор (стырдигор) [Русско-осетинские... 1976: 36-37].

Какие-либо формы социально-политических связей с кабардинскими владельцами отмечены в документе только для пятого, шестого и седьмого народов, т.е. для балкарских и дигорских обществ. Определенно сказано, что чегемцы, живущие «на вершинах реки Чегема... особливых малых владельцев имеют, и все дают дань старшему кабардинскому владельцу Магомед Кургокину». Относительно «волостей» Безенге, Хулам, Хусырь и Малкар говорится, что «некоторые из оных дают малую подать вышеписанному Магомету Кургокину и Арасламбеку Каитукину», без уточнения – какие именно. Дигорцы «живут в горах, по вершинам рек Урюха и других ближних рек, против Малой Кабарды, разстоянием от деревни владельца Адильгирея Гиляксанова день езды, и с тою Малою Кабардою постоянной имеют мир, и некоторую малую кабардинцам дают и дань и взаимно между собою женятца, дюгоры и сюрдигоры на кабардинках, а кабардинцы на их дочерях...» [Русско-осетинские... 1976: 37].

Весьма ценными представляются сведения о факторах и формах взаимодействия указанных горских «волостей» с Кабардой. «Малую подать» кабардинским князьям они платят «для того, что оные, приезжая в Кабарду, покупают соль, также хлеба и рыбы по несколько, а особливо в кабардинских угодьях, через несколько в году месяцев скот свой пасут, а когда у них в горах хлеб и трава родится довольная, и тогда оные соль покупают в Грузии и в горах, отъезжая в дальние места, достают воды и из оной варят и скоты свои из гор не выгоняют, и сами в Кабарду уже не ездят, и кабардинцов к себе не пускают, за что с ними бывают ссоры и драки». Дело выглядит так, что горцы покупают продукты и пользуются пастбищами во владениях кабардинских князей и за это платят им некоторую «подать». Но эта практика не носит формально закрепленного характера и зависит от меры самообеспечения хлебом, состояния пастбищ и сенокосных угодий в том или ином году. В

благоприятные годы они не только сами в Кабарду не ездят, но «и кабардинцов к себе не пускают» [Русско-осетинские...1976: 37]. Это позволяет предположить, что горские владельцы и общества не считали себя связанными отношениями безусловной зависимости от кабардинских князей, тогда как последние, скорее всего, считали горцев обязанными себе «по обычаю» на постоянной основе. Такое разное восприятие друг друга и может объяснить «ссоры и драки», бывавшие между ними только от того, что горцы не купили чего-то или не пользовались пастбищами в Кабарде.

При этом, военное превосходство кабардинских владельцев над горцами неочевидно, поскольку «оние народы весьма военные», «ни под чьею протекциею не состоят и никому ими действительно овладеть не возможно затем, что живут в крепких и непроходимых местах, и когда Большой Кабарды владельцам случаетца над ближними им народы чинить поиски, и тогда ходят на них партиями от 50 и до 200 человек, и наперед, тайным образом осмотра, захватят тесные проходы, и для охранения тех проходов оставляют несколько человек кабардинцов пеших с ружьем, и таким образом, учиняя поиски, возвращаются с добычею, а ежели при приходе их, кабардинцов, на тесных проходах усмотря горские караулы, и в таком случае они, кабардинцы, возвращаетца в дома свои без добычи, напротиву того ис тех горских народов по несколько человек ночным временем приходят и зажигают их кабардинские деревни, от чего им и немалые разорения приключаетца» [Русско-осетинские... 1976: 38]. Эти сведения исходят от самих кабардинских владельцев, а потому выступающая здесь неоднозначная картина горско-кабардинских отношений представляется достаточно реалистичной. Вместе с тем, они относятся только к населению Черекского ущелья.

Еще один документ, рисующий широкую картину интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в 1740-х гг. был в свое время введен в научный оборот Е.Дж. Налоевой и с тех пор неоднократно использовался при обсуждении вопроса о характере отношений балкарских обществ с кабардинскими князьями [Налоева 1972; Муратова 2007: 141-142].

В 1747 г., как было отмечено выше, в Кабарду с особым поручением был направлен капитан И. Барковский. В это время князья Мисостовы во главе с Касаем Атажукиным потерпели поражение от Атажукиных во главе с Баматом Кургокиным и Бекмурзиных во главе со старшим князем Кабарды в 1744-1749 гг. Батоко Бекмурзиным. Мисостовы были вынуждены бежать из Кабарды. И. Барковский рапортовал в Астрахань, что в Кабарде обнаружил «збор множества старшин чеченских, дугурских, балкарских, карачай... абазинских», о чем поручил Яковлеву разведать. Яковлев в своем доезде докладывал: старшины «объявили ему, Яковлеву, что из них некоторая часть была подвластна Касаю Атажукину, з братьями [Мисостовым – авт.], и призвали де нас для того, что б ныне по ссоре Бамата Кургокина с реченными их владельцами, нам подвластными их людьми не называться, и разделили де нас Батока и Бамат з братьями по себе и чтоб нам тех владельцев самых [Мисостовых – авт.] и жен их в жилища свои не пущать и ничем не снабдевать... и, ежели у кого есть оных владельцев, Месоусовых, холопов или

какой скот, – оных им [Батоке и Бамату – авт.] объявить, а тем владельцам [Мисостовым – авт.] не отдавать. И в этом берут с нас присягу» [Налоева 1972: 77-78].

Какой бы смысл ни вкладывали сами «старшины» в то, что передано русскими офицерами словом «подвластны», представляется, что оно адекватно передает значения «прав и возможностей распоряжаться, подчинять кого-либо своей воле» и «оказывать определяющее воздействие на чье-либо поведение». Прочитывается здесь и мотив «политического господства». Формула «разделили де нас Батока и Бамат з братьями по себе» подкрепляет такую интерпретацию. Наконец, чеченским, дигорским, балкарским, карачаевским, абазинским «старшинам» диктуется определенное политическое поведение, что оформляется присягой. Вместе с тем, только «некоторая часть» перечисленных обществ была подвластна Мисостовым. Скорее всего, неподвластны им были представленные там чеченские общества, и балкарские владельцы Черекского ущелья.

В этом документе прочитывается еще одно важное обстоятельство. «Ресурсная» зависимость горских обществ от кабардинских князей не объясняет форму описываемого действия. Вряд ли (и это никак не отражено в документе) кабардинские князья угрожали лишить собранных старшин доступа к предгорным и равнинным угодьям. Судя по всему, основанием для проведения «сбора» для них служило представление о своем более высоком владельческом статусе, позволяющем претендовать на своего рода коллективный сюзеренитет над соседними владениями и обществами. Не исключено, что такого рода феодально-статусное самосознание лежало и в основе особого положения балкарских владельцев Черекского ущелья в этой системе отношений. В связи с этим по новому прочитывается свидетельство из «Географии Грузии» Вахушти, составленной в 1745 г.: «По западной стороне от Дигории находится большое ущелье – Басиани... Ущелье это простирается от Кавказа до Черкезис-мта... Басиани страна населенная, с урочищами. Здешние овсы знатнее всех прочих овсов и между ними попадаются помещики, имеющие закрепощенных крестьян» [Описание... 1897: 77-78]. Близкое с этим суждение имеется в материалах П.Г. Буткова, опубликованных Е.Г. Битовой (Муратовой): «Балкарцы имеют древних собственных владельцев фамилии Басиат, которые подобно владельцам ... и кабардинские владельцы вступают с ними в родственные связи... Сии владельцы имеют своих узденей. Правление гор во многом подобно кабардинскому» [Битова 1997: 158].

Применительно к этим владельцам навязывание своей воли кабардинскими князьями носило, видимо, не институализированный, а ситуативный характер. Но хозяйственные и социальные связи между балкарскими и кабардинскими владельцами имели устойчивый характер. Выше приводились сведения от середины XVII в. о том, что балкарский владелец Андабал [Айдебол] был «дядькой», т.е. воспитателем Канбулата Пшимаховича Черкасского [Посольство... 1926: 117]. Не будучи непосредственно связанными с политическими событиями, такие сведения не находили частого отражения в источниках, но периодически высвечивались на фоне политических коллизий.

В рапорте командующего войсками в Кизляре А.П. Девица о результатах посылки в Кабарду капитана Барковского для расследования жалоб крымского хана на кабардинцев сообщалось: «Владельца Касая Атажукина емчик болгарец Азамат Абаев сказывал..., что от владельца Хаммурзы удень Гирей Канбиев под претекстом поездки на Кубань, для отыскания взятого в баранту ясыря, послан к крымскому хану с письмами, с которым приехало три человека и содержат оных в тайности» [КРО 1957b: 141]. Осведомленность балкарского владельца о деталях «закулисных» политических действий кабардинских князей, свидетельствует о его собственной вовлеченности во внутрикабардинские коллизии. К рапорту кизлярского коменданта Н.А. Потапова от 2 декабря 1768 г. с изложением его мнения о мерах приведения в покорность горских народов в условиях войны с Турцией были приложен реестр взятого им в баранту у кабардинских князей и узденей скота. Помимо прочего в него включен и Майхамат Биев – емчек кабардинского владельца Казия Кайсинова, имевший, судя по всему, свой кош в Кабарде [КРО 1957b: 282-286]. И снова, то обстоятельство, что балкарский мурза подпал под карательные действия царских властей, направленные в целом против кабардинцев, свидетельствует о прочности социальной «сцепки» кабардинских и балкарских владельцев.

В «Изъяснении об абазинцах», составленном в Коллегии иностранных дел в 1753 г. для объяснения того, что абазинцы, живущие за Кубанью на Зеленчуке (т.е. в сфере контроля Крыма и Турции), тем не менее «принадлежат к кабардинцам» приводился тот аргумент, что Терек «течение имеет в границах Российской империи», но «со всем тем в вершинах оной в горах сверх кабардинцев разные находятся народы, как то чегемцы и другие им подобные, которые у Всероссийской империи не в подданстве; а напротиву того многие из них во владении у тех же кабардинских владельцев» [КРО 1957b: 188].

Но как раз с середины XVIII в. начинает существенно меняться общеполитический контекст социально-политических взаимосвязей на Центральном Кавказе. С одной стороны, российские власти проявляют все больший интерес к районам Центрального Кавказа, прилегающим к Кабарде, но не подпадающим, с их точки зрения, под ограничения, налагаемые на Россию положениями Белградского договора о нейтрализации Большой и Малой Кабарды. С другой стороны, приближение России по левобережью Терека к урочищу Моздок, открывало для осетинских и ингушских обществ возможность освободиться от обязанностей перед кабардинскими владельцами и начать, под защитой российских властей, процесс переселения на плоскость. Основанием для того, чтобы Россия взяла их под свою протекцию могло стать принятие ими христианства. В 1745 г. начала свою деятельность Осетинская духовная комиссия. Уже осенью 1747 г. императрица поставила перед коллегией иностранных дел вопрос не будет ли «по крещении в православную греческаго исповедания веру» приведение осетинского народа к присяге «в верности и подданстве ея императорскому величеству» противоречить договорам с Оттоманской Портой или Персией [Русско-осетинские... 1976: 120]. В ответном донесении Коллегии было отмечено, что «осетинский народ

разными по уездам званиями имянующейся и в Кавказских горах между обеими Кабардами в пограничности к Грузии живущей, вольной есть, и ни у кого в подданстве не состоящей, а только некоторые из оных кабардинским владельцам малую подать дают». Вместе с тем, по мнению Коллегии приведение осетин к присяге на российское подданство «весьма ранновременно быть видится» [Русско-осетинские 1976: 121]. Но вызванное новыми обстоятельствами движение в осетинских обществах подрывало сложившиеся к этому времени отношения с кабардинскими владельцами. Прибывший из Осетии иеродиакон Григорий сообщал в июне 1749 г.: «Малой Ахловой Кабарды владелец Казий в прошлом (1)748-м году в осеннее время был в Осетии в Кутанском уезде и требовал от того уезду с каждого двора, по древним их обычаям, по одному барану и на то оныя осетинцы ему Казию объявили, что они той подати ему не дадут, как они просвещаются веры греческаго исповедывания и желают быть во всевысочайшей протекции ея императорскаго величества. И за то он, Кази, им угрожал, естли они той подати ему не дадут, то он их будет разорять и брать в полон, и продавать и, того убоясь, некоторые ту подать ему отдали и от крещения стали удаляться» [Русско-осетинские... 1976: 201-202].

В этом контексте возникает тенденция оспаривать и зависимость от кабардинских владельцев и принадлежность им тех или иных земель, на которые жители ущелий хотели бы переселиться. В 1748 г. «крещеные старшины Кутатской и Чимитской волостей», жившие «в горах выше Малой Кабарды... разстоянием от кабардинских 5-ти деревень, называемых Алимурзиных... верстах во сте и больше», заявляли о своем желании поселиться «выше кабардинских Алимурзиных и Анзоровых деревень от 10-ти до 15-ти верст». При этом они утверждали, что «места, где они хотят поселиться к Кабарде не принадлежат» [Русско-осетинские... 1976: 303-304]. В марте 1755 г. тагаурские старшины подали в Кизляре челобитную на имя императрицы Елизаветы Петровны о переселении их на равнины Северного Кавказа и защите от внешних нападений. В ней они писали, что «отыскали для поселения место близ тех же гор, где мы жительствоуем, лежащую впусе ни под чьим владением, а имянно между двумя реками едучи ис Кизляра чрез Татартуп в Осетию в левой стороне, а разстояние имеет от того Татартупа более в пятидесяти верстах». А о защите просили русские власти «понеже нам, хотя некоторые и Большой Кабарды владельцы объявляют, дабы мы под их власти состояли, а для неопасности при поселении нашева на тех местах обещал своего человека дать, токмо мы, как и прежде сего, под их власти не были, так и ныне того учинить не желаем, ибо мы для желаемого православной веры намерены быть под протекцию вашего императорскаго величества» [Русско-осетинские... 1976: 376]. В свое время Г.А. Кокиев отмечал, что это сообщение осетинских владельцев «не заслуживает никакого доверия, как не соответствующее исторической действительности», поскольку «[в]ладения кабардинских феодалов простирались до самых устьев осетинских ущелий», у самого входа в Куртатинское ущелье еще в 60-х гг. XVIII в. находилось феодальное владение крупного кабардинского феодала Гиляксана, а к западу от

него вдоль горного хребта располагался ряд других владений, «густой сетью покрывавших всю Северо-Кавказскую равнину» [Кокиев 2005: 147]. Но это было известно и царским властям. В «Рассуждении» Коллегии иностранных дел по проекту о переселении осетин в район Моздока в 1757 г. указывалось, что более ранние подобные обращения осетин не могли быть удовлетворены, поскольку вызвали бы протесты со стороны Османской империи, как нарушающие обязательства России о нейтральном статусе Кабарды. «А из того чтоб им, осетинцам, позволить выселиться, как некоторые из них старшины, будучи в 1755 году в Кизляре, просили близ тех же гор, в которой они ныне живут, на место в 50-ти только верстах от знатной в Малой Кабарде горы, называемой Татартуп, лежащего, и самое бы предосуждение быть могло, для того, что оное место, по справке в Кизляре, принадлежит к Малой Кабарде» [Русско-осетинские... 1976: 398].

В июне 1756 г. на большом собрании на Тереке ингуши («киштинцы» – на языке документа) «все обещались веровать в Христа и креститца и под покровом всемилосивейшей нашей государыни быть верным и указам ея императорского величества и в том учинили присягу». А в августе архимандрит Арсений отправился с братией «в жилища их... и окрестили тамо из них начальных людей 5, да протчих 30 человек» [Русско-осетинские... 1976: 393-395]. Но как сообщал киштинский (ингушский) старшина Авраам Пахомиев в мае 1760 г. «после того, как в народе нашем киштинском стало грекороссийский закон распространяться, то Большой Кабарды кабардинцы по своему варварскому обыкновению возымели на нас ненависть и злобу и стали нам злодействовать, чинить нам разные обиды, смертоубийство и воровски увозить нашего народа людей, отгоном лошадей, баранов, тако ж для пахания и кошения сена на наши степные места нас не допускают и в святом крещении чинят нам немалыя препятствия и завсегда они, кабардинцы, нам говорят, зачем мы крестимся и в протекции ея императорского величества быть желаем» [Русско-осетинские... 1976: 419].

Итогом неоднократных обсуждений вопроса о притеснениях, чинимых кабардинскими владельцами желающим креститься и принять российское подданство осетинах и ингушах стал доклад Сената императрице Екатерине II от 9 октября 1762 г. о возможности их переселения «для житья в здешние границы». В качестве удобного к тому способа расценивалась просьба «крестившегося Малой Кабарды владельца Кончокина... об отведении для жительства... места по реке Тереку между урочищ Моздока и Мекеня», которые, по мнению Сената, «принадлежат бесспорно к здешним границам и к поселению удобны». Предложение Сената было утверждено резолюцией Екатерины II [Русско-осетинские... 1976: 449-451].

Фактически, более или менее широкого переселенческого движения осетин и ингушей в район Моздока не наблюдалось, но стремление избавиться от влияния кабардинских владельцев и получить возможность освоения контролируемых ими плоскостных земель при помощи российских властей стало перманентным фактором социально-политических взаимодействий на Центральном Кавказе. В мае 1768 г. кизлярскому коменданту Н.А. Потапову

доносили об осетинах и ингушах, принявших крещение: «... едино только ищут они чтоб в нынешних их жилищах были защищены от насилия кабардинского, чего они самым делом желают, а на Моздок переходить дальней желаемости в них нет» [Русско-осетинские... 1984: 143]. В записке С. Вонявина о необходимости начать разработку месторождений цветных металлов в Осетии от сентября 1768 г. сообщалось, что старшины куртатинских и ардонских горских жителей «неоднократно с большим усердием выговаривались находящемуся при мне ротмистру Кирееву, что они с крайнею охотою желают выйти из гор для поселения на степь Малой Кабарды и быть под покровительством Российского двора» [Русско-осетинские... 1984: 191]. Основания для такого рода желания были у целого ряда владельцев и обществ Центрального Кавказа. Моздокский ротмистр А. Щелков в октябре 1768 г. сообщал в Коллегию иностранных дел, что «начиная от вершины реки Кумы внутри Кавкаских гор даже до Осети, простираются разнаго звания народы», в том числе карачаевцы, чегемцы, и балкарцы, и что «оных со всех кабардинцы подать берут и в поход их наряжают» [КРО 1957b: 281]. В марте 1770 г. присягу на российское подданство приняли ингуши «Ингушевского уезда» (предгорного аула Ангушт), о чем кизлярский комендант И. Д. Неймич сообщал Синоду в донесении от 3 апреля 1770 г. [Русско-осетинские... 1984: 214].

Новый характер взаимоотношений между кабардинскими владельцами, горскими обществами Центрального Кавказа и российскими властями четко выражен в письме командующего корпусом войск на Северном Кавказе И. Ф. де Медема от 10 марта 1773 г. кабардинским владельцам с требованием прекратить нападения на ингушей. Он указывал, что нападение на вступивших в 1770 г. в российское подданство ингушей, нарушает взятые на себя кабардинскими владельцами обязательства «о нечинении злодейства» и совершено «разве за то только, что они, ингушевцы, противу вас малосильны и не имеют противиться и что они единственно прежде сего давали вам за то только подать, когда они выходили для работы своей к хлебопашеству, а ныне не дают, то мне кажется все сие претензии к резону иметь не следственно, ибо я изъяснял вам выше сего, что они никогда вам подвластными не были, так как и посланники ваши мне объявили» [КРО 1957b: 307]. Последнее утверждение генерала вряд ли соответствовало действительности. Уже через несколько дней пристав при кабардинцах Д. В. Тоганов, в рапорте И. Ф. де Медему об ответе кабардинских князей относительно взимания ими дани с ингушевского народа сообщал, что старший князь Большой Кабарды Касай Атажукин (из Мисостовой фамилии) ему «объявил, естли де ваше превосходительство вступитесь за ингушевцов, то они как и на первоприсланное от вашего превосходительства письмо ответствовали, то и теперь то ж подтвердил, что они совсем отложиться от протекции е. и. в. намерены, потому что де ингушевской народ был издревле ими завоеван, и Всегда они с них по обычаю подать брали, а ныне де не только дают подать, но еще крадут у кабардинцов скот и увозят. И так де иным способом с ними зделается не можно, кроме того, чтоб их усмирять оружием» [КРО 1957b: 308]. Те или другие кабардинские владельцы могли делать различные политические «выводы» из возникшей

напряженности, но при этом опирались на одни и те же представления об исторически сложившихся отношениях между ними и осетинскими и ингушскими обществами. Малокабардинские князья Кайтука и Келмет Ахловы писали в октябре 1774 г. астраханскому губернатору П.Н. Кречетникову: «За сим еще, не умалчивая вам изъясняем, что на котором месте ныне стоит Осетинское подворье, а оное место было пред сим в подвласти отцов наших, для того вашего превосходительства покорно просим приказать тем местом владеть нам попрежнему, осетинскому подворью быть тут же, мы в том не препятствуем, только б жили с нами во обществе, с тем, что паче чаяния когда им от куртатцев и от наших подвластных горских народов причинятца какие обиды или притеснены, в таком случае должны мы их защищать, а ежели от кабардинцов [Большой Кабарды – авт.], ингушевцов и чеченцов будет притеснение, то вашего превосходительства покорно просим соизволите как их, так и нас защищать» [Русско-осетинские... 1984: 319].

Помимо прочего, этот документ напоминает, что насилие как способ регулирования отношений являлось частью повседневных практик всех сторон социально-политических взаимодействий на Центральном Кавказе. Но горские владельцы и общества, искавшие покровительства России, в переговорах с российскими представителями всячески акцентировали притеснения со стороны кабардинских владельцев, причиной которых называли принятие горцами христианства и российского подданства. Сам этот шаг трактовался ими иногда как своего рода освободительный акт. В прошении осетинского посольства, поданном астраханскому губернатору П.Н. Кречетникову во время русско-осетинских переговоров 1774 г. в Моздоке говорилось: «... как по высочайшему соизволению всегда нам объявляетца, что мы противу желания нашего оставлены не будем и будем под протекциею все милостивейшей нашей государыни, яко то вольные не зависящи в подданстве никому Большой и Малой Кабарды владельцы, а особливо Малой Кабрды владельцы, а имянно Ахлоевы и Мударовы фамилии, теснят ловлением проезжающих в Моздок и отъезжающих отсюда людей наших без всяких вин...» [Русско-осетинские... 1984: 320]. Такое понимание социально-политических взаимодействий на Центральном Кавказе устраивала российские власти, взявшие курс на утверждение в регионе своего суверенитета. В докладе П.Н. Кречетникова Екатерине II от апреля 1775 г. с описанием внутреннего устройства Осетии подтверждалось, что место, где прежде было Осетинское подворье в 90 верстах от Моздока «принадлежит, как и все осетинцы» князьям Ахловым и «хотя оне управляютца своими старшинами, не завися ни от ково, однакож сим владельцам дань дают». Кроме того, будучи малочисленны и слабы в военном отношении, они крайне притеснены «от владельцев Большой Кабарды, кои гораздо их сильняя, и не в дальнем разстояни живут и, набегая на их жительство, разоряют или принуждают себе дань платить и быть под их властью». Именно от этого «сильного и варварского притеснения сии народы необходимо принуждены себе сыскивать защищения» [Русско-осетинские... 1984: 354-355]. Эти же мотивы повторяются в рапорте подполковника В. Фромгольца кизлярскому коменданту Ф.И. Фабрициану о принятии в 1778 г.

русского подданства дигорцами и осложнении в связи с этим их отношений с кабардинскими владельцами. В нем говорится, в частности, что «как ныне кабардинцы покорены, то Дигорскаго уезду жители, услыша сие, и что оне от кабардинцев не зависимы, уповали себе спокойную жизнь получить и свободнее вступать и принимать святое крещение» [Русско-осетинские... 1984: 382].

Такого рода настроения после Русско-турецкой войны 1768-1774 г. и заключения Кючук-Кайнарджийского договора, предоставившего России свободу действий на Центральном Кавказе, видимо, охватили многие общества региона, ранее платившие дань кабардинским князьям за политическое покровительство и пользование зимними пастбищами [Муратова 2007: 147]. Все более ограниченные российским присутствием в возможности самостоятельно обеспечивать поддержание прежних порядков, кабардинские князья сами оказались вынуждены искать опору в российском военно-административном аппарате, складывающемся в регионе. Об этом свидетельствуют материалы П.Г. Буткова: «С наступлением 1783 года владельцы и уздени Большой и Малой Кабарды просили чрез депутатов своих – трех владельцев и трех узденей – князя Потемкина о позволении им прав на древних данников их... На сие князь Потемкин, яко уполномоченный по делам азиатским, отвечал им 31 июля того же года письмом ко всем кабардинским владельцам и узденям следующее: “Что требование податей с прежних данников их, в горах пребывающих, им не воспрещается, за исключением, однако, из того народов, пользующихся покровительством российской державы”(?)» [Бутков 1869: 107-108]. Кавказские военные власти признавали, как это видно из «Краткого описания о кабардинских народах», сделанного в 1784 г. генерал-губернатором П.С. Потемкиным, что кабардинцы «между всеми горскими народами, кроме дагестанцев, имеют преимущество, все протчия роды, как-то: кумыки, чеченцы, карабулаки, аксайцы, андисцы, асетинцы, абазинцы, беслинейцы, кигушевцы и протчия не только подражают оным во нравах, во всех обычаях, но отчасти от них зависели и платили им дань» [КРО 1957b: 359].

С одной стороны, кабардинские владельцы попытались воспользоваться выраженным в письме Г.А. Потемкина в общем виде разрешением требовать подати с горцев, не вдаваясь в смысл сделанной им оговорки. Уже в январе 1784 г. в делах Кавказской губернии появляется запись: «По принесенной от Осетинцев на владельцев и узденей Большой Кабарды жалобе о насильственном отнимании под видом какой-то подати людей и скота, следствием открылось, что Кабардинцы с Осетинцев побор чинят скоту и прочему по прежним их обычаям, а при том ссылались еще в праве и на лист свет. кн. Потемкина им данной, которым таковыя подати чинить им с подверженных им народов, живущих в вершинах Баксана даже до Карачаевцев, не возбранено» [АКАК 1868: 1113]. Когда в 1787 г. началась Русско-турецкая война кабардинские владельцы изъявили готовность оказать военную помощь и просили генерала Текелли «о позволении идти им за Кубань для поисков, которое им было дано». По оценке П.Г. Буткова в этом предприятии

«скрывалось только одно то, чтоб под видом услуги своей России вновь обязать древних данников своих за Кубанью обитающих к зависимости, которую они низлагали уже по занятию Кабардинцев в домашних делах и по запрещению от российского начальства делать явные подвиги за Кубанью». [Бутков 1869: 205]. Речь шла, прежде всего, о абазинах алтыкесек: «И подлинно кабардинцы Большой и некоторые из Малой Кабарды отправясь за Кубань 29 октября 1787 г. ... напали во первых на находящиеся на противном берегу Кубани шестиродных Абазинцов и Башильбаев, и первых переведя на сию сторону Кубани поселили в близости к Кабарде, между истоков реки Кумы...» [Бутков 1969: 206].

С другой стороны, в развернувшееся ранее среди осетин и ингушей движение за переход в русское подданство включаются теперь карачаевские и балкарские владельцы, которые увидели, что тем самым для них открывается возможность избавиться от засилья кабардинских князей. Л.И. Лавров приводит сообщение П.С. Палласа о том, что балкарцы «ищут способа прийти под русское покровительство, чему черкесы всеми силами стараются препятствовать и поэтому никого от них не пропускают на линию. В 1783 году несколько базиан [балкарцев – авт.], посланных искать этого покровительства, пробились окольными путями к обер-лейтенанту Л.Л. Штедеру. Но возвратились они лишь с голыми обещаниями» [Лавров 1961: 92]. В ордере ген. Шемякина Кабардинскому приставу Уракову от 8-го февраля 1786 г. говорилось: «Карачаевские старшины 9 человек, приехав к ген. Потемкину [генерал-поручику П.С. Потемкину – авт.], просили защиты от Кабардинцев и об их обращении в веру Греческаго исповедания с семействами и подвластными их, кои живут в вершине Белой речки во 120 дворах, для чего и предписано было приставу Уракову, взяв от Осетинской Комиссии протопопа и священников, отправиться в те селения и окрестить, а Кабардинцам воспретить, чтобы они никак не осмеливались делать сему народу обид и притеснений» [АКАК 1868: 1116]. О балкарцах Бутков сообщает: «От зависимости от Кабардинцев еще в марте 1787 года отреклись и просили принять их в подданство с тем, чтобы дано было им защищение от нападений Кабардинцев, которые видя слабое Балкарцов состояние, начали в даль простирать свое на них притязание...» [Бутков 1869: 205]. Слабость горских владельцев здесь преувеличена, а их способность консолидироваться в противостоянии кабардинским князьям недооценена, если судить по описанию драматических событий 1787 г. в рапорте пристава Кабарды Уракова: «Балкарские четыре владельца, приехав от своего общества к приставу Уракову, приносили жалобу на Кабардинских владельцев, что они их раззоряют, и требовали от нас защиты и покровительства; кн. Ураков..., приняв благосклонно, предлагал им, что они не иначе могут получить с нашей стороны защиту, как только тогда, когда примут на подданство присягу, на что они охотно согласились, и потому кн. Ураков отправил их с сею просьбою к ген. Потемкину, а узнав о сем, Кабардинцы сделались недовольными; но между сим временем июня 25-го числа Балкарцы с Кабардинцами умышленно помирились и вскоре после того в отмщение обид, Кабардинцами им нанесенных, у владельца Адиль-Гирея

Татарханова отогнали великое число овец и убили одного узденя. Потом Балкарцы, согласясь с прочими горскими соседними народами, именуемыми Чегемы, Халымы и Безынчи, поставили по всем дорогам, лежащим от Кабардинцев, караулы, чем и принуждены были сами Кабардинцы просить у Балкарцев вторичного миру и поступать с ними по прежним их обычаям» [АКАК 1868: 1117]. Из этого следует, что толчком к конфликту послужила попытка кабардинских князей усилить давление на балкарцев Черекского ущелья в нарушение «прежних их обычаев». Некоторое представление о том, в чем они состояли дает рукопись П.Г. Буткова из фондов Российского государственного военно-исторического архива, введенная в научный оборот Е.Г. Битовой (Муратовой). В ней, в частности сказано о балкарцах: «Как они непосредственно граничат с Большую Кабардой и не имеют другого прохода в линию Кавказа как через Кабарду, то ...по сей причине, чтобы быть менее тревожимы от воинственных кабардинцев, балкарцы дают с давних времен в виде дани по одному барану Большой Кабарды владельцам... кабардинские владельцы должны между собою по притеснений им... однако по беспокойному духу кабардинцев они нередко простирали претензии свои на балкарцев, о чем особенно... балкарцы... свои российскому правительству 1787-1794 гг., представив себя в российское подданство и просят дать им от кабардинцев защиту, но дело потом обошлось без сей меры» [Битова 1997: 158]. Отточиями обозначены места рукописи, которые не читаются, но можно видеть три обстоятельства, важные для понимания текста. Во-первых, «дань», о которой здесь говорится обусловлена тем, что иначе как через Кабарду балкарцы не имели доступа к российским властям на Кавказской линии. Во-вторых, балкарцы были «тревожимы» кабардинскими князьями, но «претензии», нередко простираемые на балкарцев, не привели к установлению их зависимости от кабардинских князей. В-третьих, обращенные к российским властям в 1787 и 1794 гг. просьбы балкарских владельцев о принятии их подданство и защите от кабардинцев остались тогда без последствий.

В качестве отдельной группы источников, содержащей сведения о системе интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе обычно рассматривают сообщения европейских наблюдателей и материалы российских академических экспедиций на Кавказ. С точки зрения фиксации в них непосредственных наблюдений, записей полевого материала, использования источников, которые были впоследствии утрачены, систематизации географических, этнографических, исторических знаний о Северном Кавказе их ценность не может быть преувеличена. Факты и интерпретации относительно состояния интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе присутствуют в опубликованных работах И.А. Гюльденштедта, Я. Рейнеггса, П.С. Палласа, Г.-Ю. Клапрота. Однако при внимательном прочтении соответствующих фрагментов их работ обнаруживаются два обстоятельства.

Во-первых, характеристики взаимоотношений горских обществ и кабардинских князей во многом повторяются. Так, И.А. Гюльденштедт сообщает о балкарцах: «Но тем более сношения имеют базианцы с кабардинцами, ибо различные Базианские округа платят разным кабардинским

князьям дань, обыкновенно с каждой семьи в год по овце. Кроме того, что кабардинцы гораздо могущественнее, базианцы выгоняют в зимнее время скот свой на кабардинскую землю, и уже потому должны им покоряться» [Гюльденштедт 1974: 208]. Я. Рейнеггс констатирует то же: «...На юге она [Большая Кабарда] оканчивается у подножья Кавказских гор, где живут некоторые татарские племена, которые подвластны кабардинцам и платят им ежегодную дань...» [Рейнеггс 1974: 212]. П.С. Паллас подтверждает: «Горные народы, сделавшиеся данниками черкесских князей..., платят им обычно с каждой семьи по одной овце или ее стоимость... Каждый, кто имеет овец, независимо от величины стада, дает князю летом, когда стадо выводят на пастбища, по овце» [Паллас 1974: 220]. Это естественно, потому что каждый из этих авторов опирался на труды своих предшественников. В литературе в свое время было показано, например, что работа И.А. Гюльденштедта «Географические и исторические известия о новой пограничной линии Российской империи, проведенной между рекою Терекком и Азовским морем», впервые опубликованная в 1790 г. в «Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов за разные годы», послужила одним из важных источников для следующих поколений историков-кавказоведов [Дзамихов 1994: 112-113].

Во-вторых, факт определенной зависимости горских обществ от кабардинских владельцев предстает в этих материалах как некая данность, общеизвестная истина. Это служит дополнительным признаком того, что действительно такова была реальность интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе XVIII в., но мало что добавляет к известному по данным предшествующего периода. А в некоторых случаях просто воспроизводятся сведения более ранних документов дипломатического и военно-административного делопроизводства. Так, описание взаимоотношений «балкар» или «басиан» с кабардинскими владельцами у Г.-Ю. Клапрота представляет собой пересказ сведений о «пятом народе», т.е. балкарцах Черекского ущелья, из известий о горских народах, полученных в 1743 г. от кабардинских владельцев Магомета Атажукина, Адильгирея Гиляксанова и костековского владельца Алиша Хамзина в Коллегии иностранных дел [Русско-осетинские... 1976: 37].

Вместе с тем некоторые детали, привнесенные авторскими представлениями предмета в названных трудах, противоречивы и требуют прояснения. Таково, относящееся к балкарскому, безенгиевскому, чегемскому и урусбиевскому обществам сообщение Я. Рейнеггса (он их называет племенами): «Господство над этими именами [племенами – авт.] такое же, как и в Большой Кабарде; они разделены и названы по имени кабардинских княжеских фамилий. Фамилия Хадогшуга занимает всю область вдоль реки Баксан до реки Чегров, семья Джампулада расселена от этого места до реки Зенд и Эльбруса» [Рейнеггс 1974: 213]. Неясно также, кого П.С. Паллас называет «басиян», а кого «балкар», ставя их рядом в своем перечислении «горных народов, сделавшихся данниками черкесских князей» [Паллас 1974: 220]. Г.-Ю. Клапрот приводит сведения из «Известий о горских народах...» 1743 г. о том, что балкарцы могут не пользоваться кабардинскими пастбищами,

не платить им и не пускать их к себе в благоприятные годы, но одновременно в общем виде постулирует: «Освободившиеся от грузин балкары подпали под господство кабардинцев... Они зависят преимущественно от двух княжеских фамилий: Кургок и Кайтук, которым каждая семья обязана ежегодно платить подать...» [Клапрот 1974: 244]. Проверка достоверности такого рода суждений затруднена тем, что они не сопровождаются информацией о происхождении приводимых сведений и о конкретных обстоятельствах, в которых указываемые факты имеют место. Делопроизводственная документация в этом отношении выгодно отличается от вышеприведенных материалов, поскольку она практически всегда несет информацию о происхождении приводимых в ней сведений и часто сообщает о контексте, в котором генерировалась та или иная информация.

* * *

В целом, при всех изменениях второй половины XVIII в., связанных с установлением суверенитета Российской империи и началом выстраивания имперской системы судебно-административного контроля и управления в регионе, традиционная система социально-политических взаимосвязей Кабарды с владельцами и обществами горцев Центрального Кавказа не претерпела кардинальной ломки. Устойчивость традиционной картины мира в сознании кабардинской княжеской элиты начала XIX в. хорошо иллюстрируется материалами к наследию Измаила Атажукина, опубликованными К.Ф. Дзамиховым [Дзамихов 1994: 72-102]. Составленное И. Атажукиным «Краткое описание жителей горских черкес» дает следующее представление «общего вида» Большой и Малой Кабарды: «Горские черкесы, расположенные по сю сторону между рек Кубани и Терека... суть Большая и Малая Кабарда, а во оных нации в зависимости Большой Кабарды, разделенные на три части и трем кабардинским князьям Атажуковым, Мисостовым и Жамбулатовым принадлежащая, в коих состоят разные селения, как то: Абаза, или по турецкому наименованию Алтыкесекских Абаза... Потом Карачай, Чегемы и Малкары... За ними следуют Дугор, Кубатии, Куртат, Татаур [Тагаур – авт.], и Ингушевы, с прочими малыми селениями вообще под названием Асетинцев именуемые, состоят под владением Большой же Кабарды со вмещением некоторой части и Малой Кабарды» [Дзамихов 1994: 81-82]. В свою очередь А.П. Ермолов в своих записках так характеризовал состояние, в каком нашел он кабардинцев и «некогда многолюдную» Кабарду, «прибывши в здешний край» в 1817 г.: «С давнего времени были кабардинцы подданными нашими, имели от царей российских грамоты. Среди них имел пребывание чиновник в качестве пристава, учреждены были суды, в коих заседали лучших фамилий князья их. Многие из них служили в наших армиях. Но давно уже нарушение присяги сделалось действием обыкновенным, давно войска наши наказуют измены, и оные возрождаются непрерывно... Моровая язва была союзницею нашею против кабардинцев; ибо, уничтожив совершенно все население Малой Кабарды и производя опустошение в Большой, до того их

ослабила, что они не могли уже как прежде собираться в больших силах...» [Записки... 1991: 283-284]. И все же далее А.П. Ермолов отмечает: «Смежные с кабардинцами в местах ближайших к хребту Кавказа живут осетины [осетинами в русских военных источниках первой половины XIX называли, в том числе, и балкарцев – авт.]. Некоторая часть оных в совершенной покорности у кабардинцев со времени могущества сих последних» [Записки... 1991: 285].

Деятельность самого Ермолова и последующие ближайшие за ней события существенно подрывали основы традиционной системы социально-политических взаимосвязей на Центральном Кавказе. «Покорение Кабарды», осуществленное Ермоловым в 1818-1822 гг., сопровождалось не только ликвидацией той автономии, которая здесь сохранялась в период «шариатского правления», но и глубокой перестройкой социально-территориальной организации региона. В 1822 г. была построена «передовая кабардинская кордонная линия, составленная у предгорий из цепи верхних укреплений и казачьих постов, за которой запрещалось жить кабардинцам... и при существовании которой горцы без стеснений от кабардинцев могли занимать необходимые им пастбища; но все-таки и в это время, как и прежде, горские овцеводы, выходя со стадами на плоскость, по установившемуся обычаю, одаряли влиятельных кабардинцев, принадлежавших обыкновенно к высшим кабардинским сословиям» [Гаврилов 1869: 11]. Отдельные приставства учреждались для осетин и ингушей, шел процесс их переселения на плоскость, что затрудняло для кабардинских владельцев поддержание традиционных отношений с ними. В целом, происходила эрозия их контроля над плоскостными и предгорными территориями Центрального Кавказа, который лежал в основе всей системы их хозяйственных и социально-политических отношений с горским населением региона. Принятие российского подданства балкарскими и дигорскими владельцами в январе 1827 и карачаевцами в октябре 1828 г. сулило дальнейшее углубление этого процесса.

Утратив свое прежнее могущество, но стремясь сохранить зависимое от себя положение ряда соседних горских обществ, теперь уже сами кабардинские владельцы апеллируют к российским военным властям. Они, воспользовавшись проездом через Кабарду в 1827 г. начальника Главного штаба генерал-адъютанта И.И. Дибича, подали ему жалобу на действия А.П. Ермолова с просьбой о сохранении их прав и обычаев старины. Подробный отчет с изложением просьб и объяснений кабардинских князей, сопровождаемый замечаниями Командующего на Кавказской линии генерала Г.А. Эмануэля и товарища министра внутренних дел Дашкова И.И. Дибич представил главнокомандующему на Кавказе И.Ф. Паскевичу в феврале 1829 г. [АКАК 1878: 864-869]. Свои замечания «касательно просьбы Кабардинского народа» представил И.Ф. Паскевичу в сентябре 1829 г. и генерал Ф.А. Бекович-Черкасский [АКАК 1878: 871-873].

В седьмом параграфе отчета Г.А. Эмануэля была приведена просьба кабардинских владельцев «О возобновлении подати, платившейся прежде Осетинами за земли и от коей они отказались, пользуясь обстоятельствами при

занятии Кабарды Российскими войсками». Кабардинские владельцы объясняли, что «податью» «с Осетин и других народов» они пользовались по 1822 год, когда Ермолов прислал в Кабарду войска «для наказания народа», причем «Кабардинцы принуждены были к переселению с прежних мест на равнину, Осетины же и другие народы остались в горах». Им запрещено было пускать к себе закубанцев и беглых кабардинцев и с них были взяты аманаты – «через то и подать платить Кабардинцам отказались». Кабардинские владельцы просили «позволения брать с них по прежним обрядам подать и чтобы были возвращены Осетинам аманаты», ручаясь при этом «удержать их на будущее время от всех неблагонамеренных для России поступков, так как все народы, в горах живущие, равно и земли ими населенные, издревле принадлежали кабардинцам» [АКАК 1878: 866].

В своих замечаниях генерал Г.А. Эмануэль признавал, что кабардинские князья, «пользуясь правом сильного, действительно получали дань от соседственных им народов и в том числе от Осетин», но в усиленных просьбах их «на счет возвращения им прежних прав над Осетинами» усматривал и другой мотив – стремление вновь привлечь их к совместному «хищничеству в наших границах». При этом он ссылаясь на пример карачаевцев, которым со стороны России «не было делаемо никогда ничего неприязненного, причем еще позволено им занимать под пастбища смежные земли, бывшие прежде во владении Кабардинцев» и которые, тем не менее неоднократно замечены «в покушениях с беглыми Кабардинцами на хищничества и убийства в наших границах» [АКАК 1878: 866]. Его вывод гласил, что «Кавказские народы, чем более имеют между собою связей, тем они непреклоннее к повиновению, и потому изменение настоящих отношений Осетин к Кабардинцам я не нахожу совместным с настоящими обстоятельствами» [АКАК 1878: 867]. И.Ф. Паскевич также считал, что в просьбе о возобновлении подати, «которую некогда платили Осетины Кабардинцам по праву сильного, решительно следует отказать, и вообще для Российскаго правительства полезно иметь разныя племена горских народов одно от другаго совершенно независимыми» [АКАК 1878: 870]. В замечаниях кн. Ф.А. Бековича-Черкасского, представленных в рапорте И.Ф. Паскевичу эта мысль конкретизировалась: «Карачаевцы, Чеченцы (следует читать «чегемцы» – авт.), Балкары, Хуламцы, живущие на самых дальних горах, не составляющие большого целого, всегда были угнетаемы кабардинцами, как народом сильным, которому они даже платили дань... По поводу сего необходимо воспретить кабардинцам селиться в вершинах рек, ибо в противном случае вышесказанные народы снова подпадут игу, будучи ближними соседями, долженствующими иметь проезды через их земли» [АКАК 1878: 872].

Предыдущий опыт подсказывал правительству, что российская политика на Центральном Кавказе может быть успешной, если, во-первых, будет поддержано стремление горских обществ освободиться от зависимости и платежей кабардинским владельцам, и, во-вторых, им будет обеспечен свободный выход на плоскость. Прошение кабардинских князей, апеллировавшее к традиционному праву, после длительных обсуждений и

консультаций было оставлено российскими властями без каких-либо последствий [Муратова, Хаширов 2019: 101-102].

Дело не сводилось к военно-политическим соображениям, приоритетным для российских властей в условиях Кавказской войны. Начиналась новая эпоха в развитии интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, когда на место исторически сложившихся традиций и механизмов их автономного саморегулирования заступали прямой контроль и управление со стороны военного и судебно-административного аппарата Российской империи. Решение задач эффективного контроля, а в дальнейшем, и интеграции в систему поземельных и сословных отношений государства, потребовало от властей внимательного изучения отношений собственности, социальной структуры и общественного быта народов Северного Кавказа. Одним из направлений этой деятельности стали сбор, письменная фиксация и систематизация норм обычного права. Благодаря этому историческое кавказоведение располагает корпусом ценных источников для изучения традиционной общественной организации народов региона. Вопрос, в какой мере содержание и формы интер-социальных взаимодействий отражены в нормах обычного права является весьма важным для наших целей. Это показатель того, какое место в жизнедеятельности данного социально-потестарного организма занимали взаимоотношения с другими обществами и насколько эти взаимоотношения были институционализированы, т.е. носили устойчивый, регулярный и нормативно-определенный характер.

С наибольшей полнотой интересующие нас вопросы отражены в документе, известном как «Постановления о сословиях в Кабарде». Уже по этой причине важен вопрос о его происхождении и его месте в общем корпусе памятников обычного права кабардинцев. Впервые он был опубликован в 1847 г. в Закавказском вестнике как дополнение к работе Ш.Б. Ногмова, будучи, по свидетельству Ад. Берже, «сообщено автором». Как документ мог попасть к Ш.Б. Ногмову особых вопросов не вызывает, поскольку в 1838-1843 г. он служил секретарем Кабардинского временного суда. Что касается вопроса, когда, при каких обстоятельствах и с какой целью «Постановления...» были приняты, то вариант его решения был предложен Ф.Х. Крымшокаловой с опорой на материалы П.Г. Буткова. Он сообщает о событиях середины 1780-х гг., что «по кабардинскому обыкновению» состоялось народное собрание «при речке Гонделене, в жилищах Чегемцов, в присутствии нарочито отправленного в оное российского офицера», где принято было несколько решений: 1 апреля 1785 г. [старшим князем] «в Большой Кабарде поставили владельца Мисоста Баматова» и «там тогда же к прекращению прежних поводов к домашним несогласиям», утверждены были «письменные приговоры». Кроме того, согласно П.Г. Буткову, «постановлены в сие же время разные обязательства и повинности одного сословия к другому» [Бутков 1869: 165]. Последнее замечание звучит как прямая отсылка тексту, известному как «Постановления о сословиях в Кабарде».

Ф.Х. Крымшокалова, со своей стороны, полагает, что все упомянутые П.Г. Бутковым «письменные приговоры» от 1 апреля 1785 г., с одной стороны,

и «Постановления о сословиях в Кабарде» – с другой, представляют собой один и тот же документ, доказательством чего служит идентичность их структуры [Крымшюкалова 2007: 111-115]. Не все ее наблюдения и аргументы представляются в равной мере убедительными. В частности, сомнения вызывает утверждение о соответствии приведенного П.Г. Бутковым первого письменного приговора «[н]е входить ни в какие требования преимуществ присвоенных неким родам предком их Казьем, и друг другу оными не упрекать» и первого пункта «Постановлений о сословиях в Кабарде», в котором просто перечислены четыре княжеские фамилии Большой Кабарды. Кроме того, указание П.Г. Буткова «в сие же время» вряд ли означает то же, что и оборот «там тогда же» и относится к точной дате 1 апреля 1785 г. Это означало бы, что либо достаточно громоздкий документ был согласован и оформлен кабардинскими владельцами в течение одного дня, либо заранее был подготовлен его «проект», что вряд ли соответствует делопроизводственной культуре того времени. Есть вопросы и относительно языка документа, поскольку нам известна только русскоязычная версия. Сомнительно, чтобы он с самого начала был составлен на русском языке. Скорее всего, текст соглашений 1785 г. был оформлен по запросу российских властей в регионе, которые уже с середины XVIII в. активно выполняли посреднические, а затем и «надзорные» функции по отношению к кабардинским князьям. И собрание 1785 г. проходило «в присутствии нарочито отпущенного в оное российского офицера» [Бутков 1869: 163]. С учреждением в 1793 г. Верхнего пограничного суда в Моздоке, в качестве апелляционной инстанции по отношению к родовым судам и расправам в Кабарде, необходимость его обеспечения записями обычного права стала неотложной. Еще Ф.И. Леонтович указывал, что первые сборники адатов появляются у кабардинцев вскоре после учреждения «верхнего пограничного суда», большинству членов которого «были вовсе неизвестны местные адаты по преданию» [Леонтович 1882: 47]. А.Х. Абазов на архивных материалах показал, что сбор сведений об обычаях кабардинцев составлял одно из направлений взаимодействия Моздокского суда с населением самой Кабарды через посредство местных военных властей [Абазов 2019].

В целом, содержательная близость описанных П.Г. Бутковым решений и Текста «Постановлений...» очевидна. Отметим только один важный для нашей темы момент. Согласно П.Г. Буткову владельцы договорились: «Оставшиеся после владельца Шогенуки Алти-Кизек абазинские деревни, называемые Клыч-Кабак, принадлежа действительно Атажукина рода владельцам, упрочняются им навсегда, так, как рода Жамбулатова владельцам деревни, известные под именем Намитам-Кабак (Абазинцы не трамовы-ли?) [примечание П.Г. Буткова – авт.]; вообще же всякому своим пользоваться [Бутков 1899: 163-164]. Это решение закреплено в «Постановлениях...», где расписано разделение между княжескими фамилиями абазинских «племен», и племена Клычева, Кашава, Дударукова числятся в них за «фамилией Атажукиной» [Постановления... 1861: 161].

В самих «Постановлениях...» присутствуют два пункта, относящиеся к взаимоотношениям и устоявшимся «правам» кабардинских владельцев в

контексте интер-социальных взаимодействий. Причем эти пункты с некоторыми текстуальными изменениями, но сохранив свое содержание, вошли в «Полное собрание кабардинских древних обрядов», составленное под руководством начальника центра Кавказской линии В.С. Голицына в 1843-1844 гг. Первый пункт оговаривает право старшего князя «из лучших пленных» на одного человека из добычи, взятой «при разъездах партиями для розысков и наказания за какие-либо шалости или грабежи других горских племен». Сразу отметим, что в «Полном собрании...» содержится и другой аналогичный пункт о том, что если «будет взята добыча у других племен, кабардинцам подвластных», первостепенный уздень, участвовавший в партии, имеет право на лучшую лошадь, «независимо от пая, ему следующего» [Постановления... 1861: 155; Полное собрание... 1882: 256]. Второй пункт «Постановлений...» из этого ряда гласит: «Когда князь находится у карабулаков, назранов, ингуш или у тагаурцев и он кого-либо пошлет по какому делу, а посланного ранят и не послушают (в «Полном собрании...» – «и приказание князя останется не выполненным»), за это виновные платят князю 15 штук лошадей, саблями, ружьями, шашками, пистолетами, так чтобы каждая штука стоила непременно одной крестьянки» [Постановления... 1861: 156; Полное собрание... 1882: 252]. Получается, что обычно-правовая норма кабардинцев должна исполняться в других обществах. Это может означать, что она сложилась в результате длительной «притирки» их соционормативных систем на основе устойчивого воспроизводства практики «обмена услугами»: защиты и покровительства, с одной стороны, их организационного обеспечения и материального вознаграждения – с другой. Внутренний социальный порядок каждого общества институционализировал его устойчивые внешние связи и служил базой порядка в интер-социальных взаимодействиях.

Особый интерес «Постановлений...» в контексте нашей темы обусловлен присутствием в нем положений, дающих своего рода «системное» представление интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. Речь идет о последнем пункте документа, в развернутом виде описывающем состояние «подданства» разных групп горцев кабардинским владельцам [Постановления... 1861: 160-162]. Разумеется, в них представлена точка зрения кабардинских владельцев, но их точка зрения, воплощаясь в практике отношений, во многом и формировала социально-политическую реальность на Центральном Кавказе XVI-XVIII вв.

В качестве субъектов социально-политических отношений в регионе в документе обозначены «кабардинские князья», с одной стороны, и «разные сословия горцев» – с другой. Отношения последних к первым определяются как «подданство». Общее содержание подданства, однако, ограничивается тем, что они платят «дань» по определенному порядку.

В «Постановлениях...» перечислены группы горцев, которые связаны отношениями зависимости с кабардинскими князьями: ингуши, назраны, карабулаки, тагаурские осетины, «дигорский народ» или дигорцы, чегемцы, урусбиевские осетины, хуламцы, безенги-осетины, карачаевцы-осетины, «шесть частей абазинцев». Во-первых, очевидно, что этот список выражает

номенклатуру не этносов, а социально-территориальных единиц («разных сословий») горцев Центрального Кавказа. Во-вторых, это, видимо, исчерпывающий список обществ, которых кабардинские князья считали зависимыми от себя по состоянию на конец XVIII в.

Их всех объединяет «горский» статус и в этом выражается фундаментальный фактор, обусловивший неразрывный и одновременно асимметричный характер их социально-политических взаимоотношений с кабардинскими владельцами, контролировавшими земельные и пастбищные угодья предгорий и равнин Центрального Кавказа. Но в рамках этой базовой структуры отношений «Постановления...» фиксируют существенные их вариации.

Ингуши, назраны и карабулаки, тагаурские осетины, дигорцы ежегодно кабардинским князьям деньгами или натурой и князь, который получает те платежи, «должен весь год от обид их защищать и дать для того человека», которого эти общества содержат «на всем мирском продовольствии».

Отношения с балкарскими обществами отличаются от описанных выше и одновременно весьма дифференцированы. Один полюс образуют балкарцы Черекского ущелья: «С балкарцев никакой дани не получают...». Другой – чегемцы и урусбиевцы: «Чеченцы [следует читать «чегемцы» – авт.] и урусбиевские осетины с давнего времени принадлежат Атажукиной фамилии, и никто в них не вмешивается, а князь Атажукиной фамилии требует с них дань, сколько назначит, отчего они отнюдь отказаться не могут». Промежуточное положение занимают хуламцы и безенгиевцы, которые «по очереди в год дают князьям по барану с дома».

Карачаевцев и абазин-алтыкесеков объединяют схожие характеристики: «в подданстве с самых давних времен», «принадлежат с давнего времени кабардинцам», а также уплата ими дани натурой кабардинским князьям. Но при этом «Карачаевцы-осетины, между князьями нераздельные... они платят князю, старшему летам в Кабарде», а «б-ть частей абазинцев... разделены между их князьями» определенным образом.

Интересно отметить еще два момента, в которых противоречиво соединяются сходства и различия в отношениях с отдельными группами горцев.

Абазины-алтыкесеки, которые «принадлежат с давнего времени кабардинцам» платят дань наравне с удаленными от Большой Кабарды ингушами, назрановцами и карабулаками и «так же поступает с ними в наказаниях и штрафах».

Равным образом, относительно «зависимых» дигорцев и «независимых» балкарцев Черекского ущелья в «Постановлениях...» содержится одинаковая норма: «в случае кражи у кабардинцев лошадей, платят штраф и наказываются за все проступки наравне по правилам кабардинцев» и «за воровство у кабардинских князей платят штрафы такие же, как и кабардинцы» [Постановления... 1861: 160-162].

Представляется, что суммированное здесь «итоговое» представление состояния интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе к концу

XVIII в. позволяет говорить об обретении ими качества системности. Они характеризовались пространственной целостностью, поскольку охватывали практически все этносоциальные ареалы Центрального Кавказа. Они характеризовались временной целостностью, поскольку устойчиво воспроизводились на протяжении примерно трех столетий. Вместе с тем, можно видеть, что внутренняя структура этой системы была неоднородной, поскольку определялась не волей какого-то одного субъекта интер-социальных отношений, а балансом ресурсов, сил и интересов всех входящих в нее социально-территориальных образований. Длительная практика интер-социальных взаимодействий сформировала в регионе определенный социально-потестарный порядок, который воспроизводился, подтверждался и одновременно оспаривался в каждодневной жизни.

* * *

Включенные в настоящий обзор документы охватывают хронологический период с 1563 до 1829 г. И весь этот период, доходившие из Центрального Кавказа сведения, неизменно содержали информацию о различных формах интер-социального взаимодействия в регионе. Очевидно, что местные общества не были изолированы и самодостаточны в своем существовании. Связи, обмен, взаимодействие с внешней социально-политической средой были важным фактором воспроизводства их хозяйственной, социальной и политической жизни.

Документальные свидетельства, независимо от происхождения, типа или вида источников отражают три константные характеристики интер-социального ландшафта Центрального Кавказа в этот период. Во-первых, наиболее интенсивное взаимодействие горские общества имели не между собой, а с предгорной и равнинной зоной. Соответственно, кабардинский этносоциальный ареал, охватывавший эту зону, выступает в совокупности источников как связующий узел всей системы интер-социальных взаимодействий в регионе. Во-вторых, источники описывают не хозяйственные, социальные и политические связи по отдельности, а как бы «кластерное» состояние отношений между социально-территориальными единицами регионального пространства. Это естественно для традиционных аграрных обществ, в которых не произошла еще дифференциация и специализация сфер общественной жизни и не сложилось зрелых государственных структур. В то же время в источниках всегда прочитывается прямое или косвенное выражение иерархического характера описываемых отношений. В-третьих, в качестве субъектов интер-социальных взаимодействий в источниках выступают не этносы, не народы региона в современном смысле этого слова, а локальные этносоциальные организмы (общества) или социально-потестарные образования (владения). Встречающийся в источниках термин «народ» никогда не обозначает этническую общность в целом. В этом смысле интер-социальные взаимодействия на Центральном Кавказе XVI –

первой трети XIX в. неправомерно интерпретировать в терминах «межэтнических» или «межнациональных» отношений.

Вместе с тем, хронологически последовательный обзор источников позволяет увидеть определенную эволюцию содержания и форм социально-политических взаимоотношений владений и обществ Центрального Кавказа.

В источники XVI-XVII вв. намечена картина становления системы интерсоциальных взаимодействия в регионе. В них прочитываются примеры приведения тех или обществ к покорности кабардинским владельцам («воевал» и «в свою волю их привел»); неудач в закреплении отношений зависимости («были за» да «отложились»); неопределенности в характере отношений («слушают Алегуку», но неизвестно «послушают ли» в данном конкретном случае). Вместе с тем материальное содержание зависимости обозначается понятиями «ясачные люди» и «дань», подразумевающими регулярный характер натуральных платежей.

Документы первой половины XVIII в. дают более определенное представление об устоявшихся и превратившихся в традицию отношениях зависимости горских обществ и владельцев от кабардинских князей. Здесь еще встречаются выражения «тавлинцы в его послушании» или «живущие в том ущелье все ему послушны», но вместо архаичных терминов «ясак» или «дань» употребляется понятие «подать», несущее коннотацию регулярных налоговых платежей. Русские документы передают показания кабардинских князей словами «у предков во владении были», «издревле подданные кабардинских владельцев», а горские владельцы и старшины объясняют, что «из них некоторая часть была подвластна Касаю Атажукину», а теперь «разделили де нас Батока и Бамат з братьями по себе».

В источниках, относящихся к последней трети XVIII в. прочитывается уже кризис сложившейся ранее системы социально-политических отношений на Центральном Кавказе. От горских обществ и владельцев все чаще исходят заявления об их нежелании, как подданных Российской империи, нести какие-либо обязательства перед кабардинскими владельцами. Иногда это обосновывается тем, что горцы «как и прежде сего, под их власти не были», а иногда новой политической реальностью («как ныне кабардинцы покорены, то... оне от кабардинцев не зависимы»). Со своей стороны, кабардинские владельцы вынуждены все чаще обращаться к своим традиционным правам на «древних данников своих», на тот или иной горский «народ», который «издревле ими завоеван и всегда с них по обычаю подать брали». Российские власти, признавая зависимость горцев от кабардинских князей теперь акцентируют «насилие кабардинское», «сильное и варварское притеснение» со стороны владельцев Кабарды, которые их «разоряют или принуждают себе дань платить и быть под их властью».

Эти процессы кабардинскими владельцами воспринимались негативно, но для горских владельцев и обществ они несли положительные изменения и открывали перспективы не только избавления от обязательств, но и получения свободного доступа к земельным ресурсам предгорной и плоскостной зоны Центрального Кавказа. Российские же власти, в условиях Кавказской войны,

находили полезным «иметь разные племена горских народов одно от другого совершенно независимыми». При этом обозначается тенденция использования «укрупненной» этнической номенклатуры для описания структуры интер-социальных взаимодействий в регионе. На нее, в документах российской военной администрации на Кавказе этого времени, накладываются преувеличенные и оценочно нагруженные понятия: «в совершенной покорности у кабардинцев», «угнетаемы кабардинцами», «снова подпадут игу». Вновь вводится в оборот архаичное понятие «дань», хотя весь круг источников XVIII в., говорит о «подати», причем почти всегда определяет ее как «малую подать». В итоге, фиксация традиционной системы отношений и обязательств горцев в записях обычного права в конце XVIII – первой половине XIX в. и обращения кабардинских владельцев к царской администрации не имели никаких последствий. Однако, выставляемые против этих обращений преувеличенно-оценочные аргументы, повлияли на последующие интерпретации характера интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. Они отразились, в частности, в материалах Терской (Терско-Кубанской с 1874 г.) сословно-поземельной комиссии, а затем вошли и в историографическую традицию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абазов 2019 – *Абазов А.Х.* Взаимодействие учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в 1793-1822 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 3. – С. 77-95. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-3-77-95>

АКАК 1868 – Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией: в 12-ти т. Т. 2 / Арх. гл. упр. наместника Кавк.; Под общ. ред. А.Д. Берже. – Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1868. – 1238 с.

АКАК 1878 – Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией: в 12-ти т. Т. 7 / Арх. гл. упр. наместника Кавк.; Под общ. ред. А.Д. Берже. – Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1878. – 1011 с.

Баразбиев 2000 – *Баразбиев М.И.* Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 112 с.

Батчаев 2006 – *Батчаев В.М.* Балкария в XV – начале XIX вв. – М.: Институт археологии Кавказа, 2006. – 239 с.

Бегеулов 2009 – *Бегеулов Р.М.* Центральный Кавказ в XVII первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории. – 2-е изд., испр. – Карачаевск: КЧГУ, 2009. – 290 с.

Белокуров 1889 – *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым. Вып. 1: 1578-1613. – М.: Унив. тип., 1889. – 584 с.

Битова 1997 – *Битова Е.Г.* Социальная история Балкарии XIX века: Сельская община. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 173 с.

Бутков 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год: в 3-х ч. Часть вторая. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1869. – 602 с.

Гаврилов 1869 – *Гаврилов П.А.* Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. 2. – Тифлис, 1869. – Ч. VII. – С. 1-78.

Гюльденштедт 1774 – *Гюльденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских

авторов XIII-XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова (в дальнейшем – АБКИЕА). – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 203-208.

Дзамихов 1994 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги: веги истории. – Нальчик: «Эльбрус», 1994. – 168 с.

Записки... 1991 – Записки А. П. Ермолова, 1798-1826 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. А. Федорова. – М.: Высшая школа, 1991. – 462 с.

Постановления... 1861 – Постановления о сословиях в Кабарде // История адыгейского народа, составленная по преданиям Кабардинцев Ш.Б. Ногмовым. – Тифлис: В Типографии Главного Управления Наместника Кавказского, 1861. – С. 151-162.

Клапрот 1974 – Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // АБКИЕА – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 235-280.

Кожев 2005 – *Кожев З.А.* Иерархические связи кабардинцев с народами Северного Кавказа (XVI-XVIII) // Исторический вестник. – Нальчик, 2005. – Вып. 1. – С. 118-144.

Кожев 2016 – *Кожев З.А.* Социально-политическое и этнокультурное пространство Черкесии (XVI – нач. XIX в.): принципы самоорганизации. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 172 с.

Кокиев 2005 – *Кокиев Г.А.* Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетов. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – С. 122-177.

КРО 1957а – Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы в 2-х т. Том 1: XVI-XVII в. / Сост. Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. – М.: АН СССР, 1957. – 478 с.

КРО 1957б – Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы в 2-х т. Том 2: XVIII в. / Сост. В.М. Букалова. – М.: АН СССР, 1957. – 424 с.

Крымшокалова 2007 – *Крымшокалова Ф.Х.* Источники обычного права кабардинцев в XVIII – первой половине XIX веков. Дисс. ... канд. юр. наук. – Нальчик: КБГУ, 2007. – 170 с.

Кушева 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 372 с.

Лавров 1955 – *Лавров Л.И.* Абазины (историко-этнографический очерк) // Кавказский этнографический сборник. Т. 1. / Отв. ред. М. О. Косвен. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 5-47.

Лавров 1969 – *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. IV. / Отв. ред. В.К. Гарданов. – М.: Наука, 1969. – С. 55-119.

Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Предисловие // Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. – Одесса: тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. – С. 1-81.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVIII – начала XX в. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – 420 с.

Муратова, Хаширов 2019 – *Муратова Е.Г., Хаширов А.В.* Георгий Арсеньевич Емануэль и народы Центрального Кавказа (1826-1831) // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 3. – С. 96-114. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-3-96-114>

Налоева 1972 – *Налоева Е.Дж.* К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды в первой половине XVIII в. // Вестник КБНИИ. – Нальчик, 1972. – Вып. 6. – С. 69-87.

Описание... 1897 – Описание Осетии, Дзурдзукии, Додоэтии, Тушетии, Алании и Джикетии (Из Географии Грузии Вахушти, составленной в 1745 г.) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. – Тифлис: Упр. Кавказского учебного округа, 1897. – С. 65-86.

Паллас 1974 – Паллас П.С. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // АБКИЕА – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 214-224.

Полное собрание... 1882 – Полное собрание кабардинских древних обрядов (1844 г.). // Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. – Одесса: тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. – С. 223-257.

Посольство... 1887 – Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639-1640 гг.) С предисловием С.А. Белокурова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете 1887. Кн. 2. Октябрь – декабрь: Под ред. Е.В. Барсова. – М.: Университетская тип., 1887. – С. 257-376.

Посольство... 1926 – Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650-1652 / Документы издал и введением снабдил М. Полиевктов. – Тифлис: Тифлисск. ун-т, 1926. – 231 с.

Посольство... 1928 – Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640-1643: документы / изд. и введ. снабдил М. Полиевктов. – Тифлис: Тифлис. ун-т, 1928. – 208 с.

ПСРЛ 1906 – Полное собрание русских летописей. Т. 13. 2-я половина. I. Дополнения к Никоновской летописи. II. Так называемая царственная книга. Под ред. С. Ф. Платонова. – СПб: Типография И. Н. Скороходова, 1906. – 303-532 с.

Рейнеггс 1974 – Рейнеггс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа // АБКИЕА – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 209-213.

Русско-осетинские... 1976 – Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов в 2-х т. Том I: 1742-1762 гг. / Сост. М.М. Блиев. Ред. П.П. Епифанов. – Орджоникидзе: Ир, 1976. – 512 с.

Русско-осетинские... 1984 – Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов в 2-х т. Том II: 1764-1784 гг. / Сост. проф. М.М. Блиев. – Орджоникидзе: Ир, 1984. – 439 с.

Сабанчиев 2019 – Сабанчиев Х.-М.А. Актуальные проблемы истории Карачая и Балкарии, историографии и источниковедения // Актуальные проблемы истории народов Северного Кавказа. Сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием. – Грозный: ЧГПУ, 2019. – С. 331-338.

Тебуев, Хатуев 2002 – Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. – М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. – 224 с.

REFERENCES

ABAZOV A.H. *Vzaimodeistvie uchrezhdenii lokal'nogo sudebno-administrativnogo kontrolya na Tsentral'nom Kavkaze v 1793-1822 gg.* [Interaction with local judicial and administrative control in the Central Caucasus in 1793-1822]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – No 3. – P. 77-95. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-3-77-95> (In Russian)

Akty, sobrannye Kavkazskoi Arkheograficheskoi komissiei: v 12-ti t. T. 2 / Arkhiv glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo; Pod obshch. red. A.D. Berzhe [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes. Vol. 2. Archive of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus; Under the general ed. A.D. Berger]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1868. – 1238 p. (In Russian)

Akty, sobrannye Kavkazskoi Arkheograficheskoi komissiei: v 12-ti t. T. 7 / Arkhiv glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo; Pod obshch. red. A.D. Berzhe [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes. Vol. 7. Archive of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus; Under the general ed. A.D. Berger]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1878. – 1011 p. (In Russian)

BARAZBIEV M.I. *Etnokul'turnye svyazi balkartsev i karachaevtsev s narodami Kavkaza v XVIII – nachale XX veka* [Ethnocultural ties of Balkars and Karachais with the peoples of the Caucasus in the 18th – early 20th centuries]. – Nalchik: El'brus, 2000. – 112 p. (In Russian)

BATCHAEV V.M. *Balkariya v XV – nachale XIX vv.* [Balkaria in the XV – early XIX centuries]. – M.: Institut arkheologii Kavkaza, 2006. – 239 p. (In Russian)

BEGEULOV R.M. *Tsentral'nyi Kavkaz v XVII pervoi chetverti XIX veka: ocherki etnopoliticheskoi istorii* [The Central Caucasus in the XVII first quarter of the XIX century: essays on ethnopolitical history]. – Karachaevsk: KChGU, 2009. – 290 p. (In Russian)

BELOKUROV S.A. *Snosheniya Rossii s Kavkazom: Materialy, izvlechennye iz Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del Sergeem Al. Belokurovym. Vyp. 1: 1578-1613* [Russian Relations with the Caucasus: Materials Extracted from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs by Sergei Al. Belokurov. Iss. 1: 1578-1613]. – M.: Universitetskaya tipografiya, 1889. – 584 p. (In Russian)

BITOVA E.G. *Sotsial'naya istoriya Balkarii XIX veka: Sel'skaya obshchina* [The Social History of Balkaria in the 19th Century: Rural Community]. – Nalchik: El'brus, 1997. – 173 p. (In Russian)

BUTKOV P.G. *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god: v 3-kh ch. Chast' vtoraya* [Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803: in 3 parts. Part two]. – SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1869. – 602 p. (In Russian)

DZAMIHOV K.F. *Adygi: vekhi istorii* [Adygs: milestones of history]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 168 p. (In Russian)

GAVRILOV P.A. *Ustroistvo pozemel'nogo byta gorskikh plemen Severnogo Kavkaza* [Arrangement of the land life of mountain tribes of the North Caucasus]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. – Vyp. 2* [Collection of information about the Caucasian highlanders. Iss. 2]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1869. – Part VII. – P. 1-78. (In Russian)

GULDENSTADT I.A. *Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaza* [Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestnykh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv. / Sostavlenie, redaktsiya perevodov, vvedenie i vstupitel'nye stat'i k tekstam V.K. Gardanova (v dal'neishem – ABKIEA)* [Adygs, Balkars, Karachays in the Reports of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Compilation, editing of translations, introduction and introductory articles to the texts by V.K. Gardarov (further ABKREA)]. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 203-208. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-kh t. Tom 1: XVI-XVII v. / Sost. N.F. Demidova, E.N. Kusheva, A.M. Persov [Kabardino-Russian relations in the XVI-XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes. Volume 1: XVI-XVII century / Comp. N.F. Demidova, E.N. Kusheva, A.M. Persov]. – M.: AN SSSR, 1957. – 478 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-kh t. Tom 2: XVIII v. / Sost. V.M. Bukalova [Kabardino-Russian relations in the XVI-XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes. Volume 2: XVIII century / Comp. V.M. Bukalova]. – M.: USSR Academy of Sciences, 1957. – 424 p. (In Russian)

KLAPROTH H.-J. *Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807-1808 gg.* [Journey to the Caucasus and Georgia in 1807-1808]. IN: *ABKIEA* [ABKREA]. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 235-280. (In Russian)

KOKIEV G.A. *Kabardino-osetinskie otnosheniya v XVIII v.* [Kabardino-Ossetian relations in the XVIII century] IN: *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei i dokumentov / Vyyavlenie, arkheografiya, sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya G.Kh. Mambetov* [The history of Kabardino-Balkaria in the works of G.A. Kokiev. Collection of articles and documents / Detection, archeography, compilation, introductory article by G.Kh. Mambetov]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2005. – P. 122-177. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Ierarkhicheskie svyazi kabardintsev s narodami Severnogo Kavkaza (XVI-XVIII)* [Hierarchical ties of Kabardians with the peoples of the North Caucasus (XVI-XVIII)]. IN: *Istoricheskii vestnik*. – Nalchik, 2005. – Iss. 1. – P. 118-144. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Sotsial'no-politicheskoe i etnokul'turnoe prostranstvo Cherkessii (XVI – nach. XIX v.): printsipy samoorganizatsii* [Socio-political and ethnocultural space of Circassia (XVI – early XIX century): principles of self-organization]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2016. – 172 p. (In Russian)

KRYMSHOKALOVA F.Kh. *Istochniki obychnogo prava kabardintsev v XVIII – pervoi polovine XIX vekov. Diss. ... kand. yur. nauk* [Sources of customary law of the Kabardians in the 18th – first half of the 19th centuries. The dissertation for the Candidate of Legal sciences degree]. – Nalchik: KBGU, 2007. – 170 p. (In Russian)

KUSHEVA E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei (vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka)* [The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia (second half of the XVI – 30s of the XVII century)]. – M.: USSR Academy of Sciences, 1963. – 372 p. (In Russian)

LAVROV L.I. *Abaziny (istoriko-etnograficheskii ocherk)* [Abazins (historical and ethnographic essay)]. IN: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik. T. 1. / Otv. red. M.O. Kosven* [Caucasian ethnographic collection. Vol. 1. Ed. by M.O. Kosven]. – M.: USSR Academy of Sciences, 1955. – P. 5-47. (In Russian)

LAVROV L.I. *Karachai i Balkariya do 30-kh godov XIX v.* [Karachay and Balkaria until the 30s of the XIX century]. IN: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik. Vyp. IV. / Otv. red. V.K. Gardanov* [Caucasian ethnographic collection. Iss. IV. Ed. by V.K. Gardanov]. – M.: Nauka, 1969. – P. 55-119. (In Russian)

LEONTOVICH F.I. *Predislovie* [Foreword]. IN: LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev: Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Vyp. 1* [Adates of the Caucasian Highlanders: Materials on Customary Law of the North and East Caucasus. Iss. 1]. – Odessa: Tip. P.A. Zelenogo (b. G. Ul'rikha), 1882. – P. 1-81. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVIII – nachala XX v.* [Socio-political history of Balkaria XVIII – early XX century]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2007. – 420 p. (In Russian)

MURATOVA E.G., KHASHIROV A.V. *Georgii Arsen'evich Emanuel' i narody Tsentral'nogo Kavkaza (1826-1831)* [Georgy Arsenievich Emanuel and the peoples of the Central Caucasus (1826-1831)]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – No 3. – P. 96-114. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-3-96-114> (In Russian)

NALOEVA E.J. *K voprosu o gosudarstvenno-politicheskom stroe Kabardy v pervoi polovine XVIII v.* [To the question of the state-political system of Kabarda in the first half of the 18th century]. IN: *Vestnik KBNII*. – Nalchik, 1972. – Iss. 6. – P. 69-87. (In Russian)

Opisanie Osetii, Dzurdzukii, Dodoetii, Tushetii, Alanii i Dzhiketii (Iz Geografii Gruzii Vakhushhti, sostavlennoi v 1745 g.) [Description of Ossetia, Dzurdzukiya, Dodoetia, Tusheti, Alania and Djiketi (From the Geography of Georgia Vakhushhti, compiled in 1745)]. IN: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Vyp. 22* [Collection of materials for the description of places and tribes of the Caucasus. Iss. 22]. – Tiflis: Upr. Kavkazskogo uchebnogo okruga, 1897. – P. 65-86. (In Russian)

PALLAS P.S. *Zametki o puteshestviyakh v yuzhnye namestnichestva Rossiiskogo gosudarstva v 1793 i 1794 gg.* [Notes on travels to the southern governorates of the Russian state in 1793 and 1794]. IN: *ABKIEA [ABKREA]*. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 214-224. (In Russian)

Polnoe sobranie kabardinskikh drevnikh obryadov (1844 g.) [The Complete Collection of Kabardian Ancient Rites (1844)]. IN: LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev: Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Vyp. 1* [Adates of the Caucasian Highlanders: Materials on Customary Law of the North and East Caucasus. Iss. 1]. – Odessa: tip. P.A. Zelenogo (b. G. Ul'rikha), 1882. – P. 223-257. (In Russian)

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 13. 2-ya polovina. I. Dopolneniya k Nikonovskoi letopisi. II. Tak nazываемaya tsarstvennaya kniga. Pod red. S.F. Platonova [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 13. 2nd half. I. Additions to the Nikon Chronicle. II. The so-called royal book. Ed. by S.F. Platonov]. – SPb: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1906. – P. 303-532. (In Russian)

Posol'stvo d'yaka Fedota Elchina i svyashchennika Pavla Zakhar'eva v Dadianskuyu zemlyu (1639-1640 gg.). S predislaviem S.A. Belokurova [Embassy of clerk Fedot Yelchin and priest Pavel Zakharyev to Dadian land (1639-1640). With a foreword by S.A. Belokurov]. IN: *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete 1887. Kn. 2. Oktyabr' – dekabr': Pod red. E.V. Barsova* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University 1887. Book 2. October – December: Ed. E.V. Barsov]. – M.: Universitetskaya tip., 1887. – P. 257-376. (In Russian)

Posol'stvo knyazya Myshetskogo i d'yaka Klyuchareva v Kakhetiya, 1640-1643: dokumenty / Izdal i vvedeniem snabdil M. Polievktov [Embassy of Prince Myshetsky and clerk Klyucharyov to Kakheti, 1640-1643: documents / Published and provided an introduction to M. Polievktov]. – Tiflis: Tiflis. un-t, 1928. – 208 p. (In Russian)

Posol'stvo stol'nika Tolochanova i d'yaka Ievleva v Imeretiya 1650-1652 / Dokumenty izdal i vvedeniem snabdil M. Polievktov [Embassy of the stolnik Tolochanov and clerk Ievlev to Imereti 1650-1652 / The documents were published and provided with an introduction by M. Polievktov]. – Tiflis: Tiflissk. un-t, 1926. – 231 p. (In Russian)

Postanovleniya o sosloviyakh v Kabarde [Estate Acts in Kabarda]. IN: *Istoriya adykhetskogo naroda, sostavlennaya po predaniyam Kabardintsev Sh.B. Nogmovym* [The history of the Adygs people, compiled according to the legends of the Kabardinians by Sh.B. Nogmov]. – Tiflis: V Tipografii Glavnago Upravleniya Namestnika Kavkazskago, 1861. – P. 151-162. (In Russian)

REINEGGS J. *Vseobshchee istoriko-topograficheskoe opisanie Kavkaza* [General historical and topographical description of the Caucasus]. IN: ABKIEA [ABKREA]. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 209-213. (In Russian)

Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII veke. Sbornik dokumentov v 2-kh t. Tom I: 1742-1762 gg. / Sost. M.M. Bliiev. Red. P.P. Epifanov [Russian-Ossetian relations in the XVIII century. Collection of documents in 2 volumes. Volume I: 1742-1762. / Comp. M.M. Bliiev. Ed. P.P. Epifanov]. – Ordzhonikidze: Ir, 1976. – 512 p. (In Russian)

Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII veke. Sbornik dokumentov v 2-kh t. Tom II: 1764-1784 gg. / Sost. prof. M.M. Bliiev [Russian-Ossetian relations in the XVIII century. The collection of documents in 2 volumes. Volume II: 1764-1784. / Comp. M.M. Bliiev]. – Ordzhonikidze: Ir, 1984. – 439 p. (In Russian)

SABANCHIEV H.-M.A. *Aktual'nye problemy istorii Karachaya i Balkarii, istoriografii i istochnikovedeniya* [Actual problems of the history of Karachai and Balkaria, historiography and source studies]. IN: *Aktual'nye problemy istorii narodov Severnogo Kavkaza. Sbornik materialov vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Actual problems of the history of the peoples of the North Caucasus. Collection of materials of the All-Russian scientific conference with international participation]. – Grozny: ChGPU, 2019. – P. 331-338. (In Russian)

TEBUEV R.S., KHATUEV R.T. *Ocherki istorii karachaevo-balkartsev* [Essays on the history of Karachay-Balkars]. – M.: Ileksa; Stavropol: Stavropol'servisshkola, 2002. – 224 p. (In Russian)

Zapiski A. P. Ermolova, 1798-1826 / Sostavlenie, podgotovka teksta, vstupitel'naya stat'ya i kommentarii V. A. Fedorova [Notes by A.P. Ermolov, 1798-1826. Compilation, preparation of the text, introductory article and comments by V.A. Fedorov]. – M.: Vysshaya shkola, 1991. – 462 p. (In Russian)